

СМЕНА

10

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б), М. 1953



XX лет  
ВКПМ

## СОДЕРЖАНИЕ

Славное двадцатилетие (передовая) . . .	6
СЕРГЕЙ СМИРНОВ — На Верхней Волге (поэма) . . . . .	8
Герой Советского Союза А. СЕРОВ — Могутое крылья . . . . .	10
С. ДИКОВСКИЙ — Настоящее дело (рассказ) . . . . .	11
М. ЮФИТ — Невеста (рассказ) . . . . .	14
Страницы нашей биографии (героическая хроника) . . . . . 14, 15, 16, 17, 20, 21, 24	
Е. БОСНЯЦКИН, С. УРНИС — Сын (рассказ) . . . . .	18
А. ЛЕМБЕРГ — Папка (стихи) . . . . .	21
В. ХЕЛСТВЕР — Военком Пожарский . . . . .	27
АДА ЛАЗО — Память . . . . .	28
Письма к двум наркомам . . . . .	29
Депутат Верховного Совета СССР О. МУТИНА — Самый счастливый день . . . . .	30
Героическая молодежь Испании (по столбцам испанских и французских газет) . . . . .	31
Л. ПЛАТОВ — Симфония (очерк) . . . . .	33
ЭМИЛЬ ГИЛЕЛЬС — Родина талантов . . . . .	34
Десять (Первый год в комсомоле. Акста «Снежка») . . . . .	35
Б. БЕГАК — Первая комсомольская (опера) . . . . .	38
В. АРДОВ — Романтическая повесть (фельетон) . . . . .	39
У карты военных действий. И. Тютюкова — Героическое прошлое (фото-очерк). В. Зверев — Велогур (заметка) . . . . .	40
Шахматы. — Кроссворд . . . . .	42

Номер иллюстрировали художники: В. Прагер, Г. Баллазов, К. Рогов, С. Растворгуев, Г. Васильев.  
Фото И. Гушина, Л. Коробова, М. Подьянского, И. Тютюкова, О. Ландер, Е. Амчиславской.

Репродукции с карты художников: В. Хвостенко, М. Соловьева, П. Васильева.  
На обложке: Советская молодежь. Рисунок Г. Баллазова.

На обороте обложки: Песня будущих боев. Текст П. Панченко. Музыка Е. Жарковского. Рисунок Г. Баллазова.

Фотоmontаж на стр. 22—23 Н. Трошина.  
Номер сверстан по макету В. Урина.

Фото И. Гутмана



Каждый год молодые граждане нашей страны с нетерпением ждут того дня, когда страна призовет их в ряды доблестной Красной Армии.

Фотограф запечатлел момент, когда председатель призывной комиссии Ленинского района г. Москвы полковник Агапкин поздравляет призванника-комсомольца Петра Корнеева, слесаря-станочника фабрики «Ударница», со вступлением в ряды Военно-Воздушного Флота. Наша славная авиация получает в лице комсомольца Корнеева подготовленного бойца: Корнеев окончил без отрыва от производства школу пилотов, имеет звание парашютиста-спортсмена второй категории и все четыре оборонных значка.

Всегда, во всем и везде



Скульптура С. Меркурова.

...Перед вами задача строительства, и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы.

Вот задача ваша, которой вы должны руководствоваться в деле образования, воспитания, подъема всего молодого поколения. Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которыми должны быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка.

Из речи В. И. Ленина  
на III съезде комсомола

# следовать Ленину, Сталину!



...Держите высоко знамя Ленинского интернационализма, боритесь за мир и дружбу между народами, крепите оборону нашей страны против капиталистического нашествия, взрывайте старый мир рабства и эксплуатации, стройте и укрепляйте новый мир освобожденного труда и коммунизма, учитесь соединять во всей своей работе могучий революционный порыв с настоящей деловитостью большевистских строителей, будьте достойными сынами и дочерьми нашей матери — Всесоюзной Коммунистической Партии!

Да здравствует комсомольское племя!

Из приветствия И. В. Сталина  
VIII всесоюзной конференции ВЛКСМ

Скульптура С. Меркурова.



# В КОМСОМОЛ!

Фото О. Ландер.

Передовые юноши и девушки Советской страны вступают в ряды коммунистического союза молодежи. Комсомол воспитывает их преданными борцами за дело партии Ленина—Сталина.

Лучших, активнейших комсомольцев партия большевиков принимает в свои ряды.



На фото сверху: члены комсомола Тоня Ткаченко, кандидатницы Тученковой, Козлова и кандидаты партии Я. М. Кагановича, на собрании вертепной комсомольской организации ремонтно-механического цеха.

Внизу: сталкер-комсомолец Государственного подшипникового завода № 2 Баркал Андреевич, кандидат в кандидаты партии, получает в Ленинском районе ЦКП(б) (Москва) кандидатскую грамотку.

Фото И. Гущев.



# В ПАРТИЮ!



# На берней Волге

## ПОЭМА

Автор поэм — кинооператор, студент Литературного института имени Горького. Своим первым крупным творческим шагом выступил в области кинорежиссуры в 50-летие Ленинско-Сталинского киногода.

Волге города Рыбинска, ниже его,  
Проживает знакомый отец моего,  
Эта славная старина, у которого и  
Почевал, посещая родные края.  
Ничего не добавит о том старике,  
Он родился и вырос на Волге-реке.  
И с реки издавна не подлезал вверх,  
И, наверно, по месту рождена умерет.  
Специальность его заключалась в том,  
Что селят он за правым волжским путем  
И на бичегах полах, на вечерней заре  
Заглядят на целую ночь фанари.  
От него я узнал, что инае он лежу,  
Что ищет он взрослою дочку одну...  
И о том, что услышал и в том же краю,  
Начинаю несложную повесть мою.  
Дочку звали Галиной. В жилище своем  
Проживала Галина с папашин алдом,  
А мамашу, красную, полную сна,  
По селеньям гулявший сынишка подосидя  
В возматком году...  
А девчонка росла,  
Помогала родителям, сколько могла,  
Фанари прерасла, чинила белье...  
Это было обычное дело ее.  
Там, где пречется в лезели дом старина,  
Не особо широко задалась река,  
И старик перевозчиком был, потому  
Что подобное дело сподручно ему.  
Каждый день пассажиры кричат за рекой:  
— Перее-чай!  
И отговани минут рукой.  
А старик несмотря перевозит народ  
И по двадцать копеек за это берет.  
Естественные люди стучались к нему,  
То водила водила по одному,  
Или влупица целую артедану друду:  
«Где, влупица, вайти перевозчика тут?»  
Скуду плотицы...  
Циме выплывает колесом.  
Разговоры научуся о том да о сем,  
О селеной работе, о южном теле,  
О советской работе бесконечной земле...  
А девчонка побоясь встала одному...  
Узнавлась и часто жалела, что ей  
Лишь во сне удалось покатать туша,  
Где совсем не такая земля и волна...  
Ей хотелось катать по воде на плотах,  
Поманеть голубыша дорослого нязя,  
Чтобы вскуду воять,  
Чтобы все воявать,  
Чтобы зря о подобных вещах не галдыть...  
Упахане ее.  
Был единственный друг,  
Тотже старик и тотже известный поворот,  
Дядя Ваня, который с известными лет  
Был разносчиком писем и разных газет.

Забегит, поздравит с новинками дня,  
Подзадрот Галину:  
— Смотри у меня,  
Нить ты стала какая!  
Глаз, старина,  
Мому шалозаю в веестве годна!  
Дядя Ваня, конечно, по-своему жила,  
Повторяю, что сам он на почте служил,  
Болжалосям мечтаний и радости все.  
У него был единственный сын Алексей.  
Этот самый ребенок по-своему рос,  
Колеса по селу несмотря на мороз,  
А в юное — назло кулаккам-богачам —  
Огородную овошню губила по ночам.  
Дядя Ваня смыку не перечал... К чему?  
Дескать, надо же чуть поределась сну,  
Вот подморыщет варен...  
Тут уж возраст свое непременно возмлет...  
И сынок Алексей пропался на реке,  
Пешу корзинки в кустах, загораю на пессе.  
Да с папашей Галиной — Петром Кузьмичем —  
Откровенно беседовал кое о чем.  
Петр Кузьмич говорил:  
— На своем-то веку  
Сылкаю раз и галдыл и глажу на реку...  
До чего мелка, до чего широка,  
До чего замечательна Волга-река!  
Из далеких озер, на лесов и полей  
Многообразные река сбегаются к ней.  
И любая терпит казнаме свое,  
Попалая в широкое русло ее...  
Эх, Алесня, любя нашу Волгу, как мать!  
Вот когда подрастешь, то начнешь понимать,  
Что другая река не заменит ее...  
И припомнишь такое же именье мое...  
Чуть возматся старик починять перенет —  
Алексей огладал и уже перебрет.  
И поэтому вместе в погожие дни  
Отправлялся на рыбную ловлю они.  
А могла забегал дядя Ваня ена мига,  
То Петру Кузьмичу говорил парничка:  
— Мое, единственный сын убежал от отца,  
Ты, Кузьмич, не видал ли его, сораника?  
Первым делом и вижу Петра Кузьмича  
Дядя Ваня плывет в реках голыша,  
А Кузьмич хладнокровен и скуен на слова,  
Дядю Ваню, когда он в очках, сгорача  
Можно было свободно принять за врача.  
А Кузьмич богатыйской фигурой скорей  
Поползал на быломе булдыков-золотарей.  
У обоих именься в именьном числе  
Золотые слова о своем ремесле.  
Дядя Ваня порой занискала Кузьмичу:  
— Мое, приятного бужа скрывать не хочю,  
Что моя спешнелость фанка позарез  
И везде привозит ко мне интерес.  
Ну, куда, ии приди ты, любоб-любю  
Узнаешь и скажешь: «Ага, именьное...»  
Или крикнет: «Газета пришла!» — и ко мне  
Выважет настречу, как будто к родне.  
Но Кузьмич отвечал дяде Ваня галды:  
— Вот моя работина — действительное да!  
Скажем, жене наступила, темнее земля,

Скажем, именья зашарая, а ты не дремал.  
Чуть задремался, а сверху повисла и зло,  
Ван по блачку, скажем, и бачен сорвет.  
А без бачена, брат, хоть «Разлуку» зайди,  
Ведь любой народок без него, как слепой.  
За работой не видно, как время летит,  
Вот уже осень легла и грану золотит,  
Над рекою глаетствует невольный ток,  
Опустившую приставь уводит в заток,  
Угнетают солоной дрови и доме,  
Проволожат привлекиво...  
Скоро зима.  
Петр Кузьмич посылею менау ремесло,  
Лодка пришла в кусты, чтобы ина не спесло  
Половодием, а бачена с дочкой алдом  
Размешал, как тошарцей, в доме своем.  
И влился в соседнюю школу, а там,  
Сообразя своим престарелым летам,  
Привидя в подлескающей порадке друга  
И оставшая именья тогда ес покураж...  
Он любил это зимнее дело. Оно  
Согревало его и служило ладно  
Верным средством от чужесия о том, что зима  
Заставляет его провоять задрана...  
Но зато дядя Ваня попрежнему сам  
Разносил свою почту по всем алесам.  
А летящая по утренней росе дороб  
Убегала, боса, оползала на зреч...  
В ноябре, на холодном просторе воды  
Появлялись и пылам тяжелые льды,  
И суровая Волга с великим трудом  
Уходила под лед, побужденная алдом.  
И зима закрывала ес с головою,  
Поднимала над иною горизонтальный вой,  
И река до апреля у всех на виду  
Без единого ледка и без единой алу...  
Привыкала вода, убывала вода.  
Неизвестно куда уходили года...  
Не заметна разитель, какого числа  
Дочь Галина ену пласком выехала.  
Отпустила козу, как покаянная мать.  
Стала новые вещи ес зашивать.  
То улетел на гулянку, то сплет оная  
И любовные песни ищет оуби порозом.  
Алексей же, как часто Кузьмич замечал,  
По какой-то причине на нас осерчал:  
Не заводит, ищет назумеренный воя,  
А при встрече смеется убои порозом.  
И по всем виворотам Галина была,  
Что дядю Алексея, как икети из парней,  
И молчал, и робел, и терпел ес веж...  
Алексей, как и все, не считая сораника  
Счит значительнее шире и выше отца,  
Но ему не хватало простора. Ему  
Надело до ужаса в отечном дому.  
Он, готовясь податься в другие места,  
Он какието книги читал нестерпа.  
И в баргачую осечь, в кенне отбара,  
Кроме парня беляя ничего не естри.  
Он мамашу обрал и отча-ствирал  
И ушел вползая в ряды РККА.  
А потом именьял, что именьял делал,  
За Байкалом, куда и поехать неслетю,  
Волге самый гаваник, владелица тига,  
Что дозвется Мамычково с пристанкою Го.  
Не дождался от прежнего дяди писма,  
Рассердился Галина, и даже везла,  
И в дню напаше, и есеем Кузьмичу,  
Завявля, что «я его зять не хочун».

## II

Минувало два года.  
Под солнцем везла.  
Стала травка пологая на игла сосны...  
И на Волге вода ставилась в снегу  
Ты ина на правом, тыионсто ес беретю.  
Только солние на снег наступало и тая,  
Ихалин, будто белый  
Отчужденный поют.  
Задрался, развинулся и тронулся лед!  
И тогда, на реке оставшая следа,  
Молодцы залезли востры у молды  
Ты ина на лобурод до полуночной тьмы,  
Отгнеча весселую габель зими!  
Дядя Ване тогда не везель поволоно!  
Он пол первый же леденя пошел, как валло,  
И на спешное дело по нитя пролом,  
И на утре с востеле подняться не мож.  
Он поспал Кузьмича и сказал Кузьмичу:  
— Дядю швах...  
Алексей узнавлял хочю.  
А Кузьмич соинял телеграмму-листок  
И отправил на сыниа на Дальний Восток.



Добежал до соседней больницы,  
Привел  
Возвратился назад не один, а с врачом.  
Врач был вынужден ждать двадцать часов,  
А из больницы на том излете горю,  
Ибо оска сильнее улаза и лечеца  
Поковеркала нежную личность врача.  
Но что вымывала душа—человек.  
Погодаст и-и-и светляки прирученных век  
Ма большое и светает тактично  
Что невольно улыбка осветит лицо.  
— Что я вижу? —

Сказал он отечески вдруг:—  
— Ты зможешь не видеть права, мой друг!  
Ведь посылку уже начинают гадать:  
Отсюда дядя Ваня с нычком не вылезет?  
Врач послушал больного, выскочил,  
И в тапачный шапер порошок проносил  
И, уже уходя, заключить не забыв,  
Дескать, будет большой доктор, чем был...  
А по Волге, как прежде, туде и сюда  
Проклятые грузские баржа-суда  
Паролами, как чайки, скользями по ней  
И спешим назад через несколько дней.  
А Галина малада им белым платком,  
Прожила, грустна не знала, о ком.  
И, смотри им по слез, рассухла одна:  
«Кто-то едет на вых...»  
Почему не она? —

Вот перебралось, издающее мнение врача:  
Дядя Ваня пожелал в дом Кузьмича  
И воскликнул, впервые не вытерев нос:  
— Ты поужай, ко мне ведь приехал сынок!  
И сегодня же вечером, врать не хочу,  
Говорит: «Испрежнему правду в Кузьмичу...»  
У Галины тактично не было дна,  
Чтобы этого дня она была длиннее.  
Одевалась в какой-то особый наряд,  
Роздарила, явучилась, как говорит,  
Напосыл, поборолась наряд на кровати:  
Для какой это стати его надевать?  
Улыбаюсь, воздуха о чем-то нюю,  
И остался в своем сарафане цветном...  
Алексей приехал.

Художавый, прямой,  
Салюги, Гальфе с акуратной каймой,  
Гимнастерга замятого цвета на нем  
Полотнища в талии прочным креативом,  
Небольшие глаза, подбородок и рот,  
Выразительный лоб выступил вперед,  
Угловатые щеки и брови.— А нос  
Нечеткий и спорный, ослепительное  
Алексей, как панашу, обшил старую,  
Подвернулся так, что завила рука,  
Попернулся в Галине  
И — вот тебе на! — только и не женат!

Не поверил глазам:  
Неужели она?..  
Словно крылья у ласточки, брови легки,  
Золотая коса тяжелее руки,  
Светлоликая,  
Гибкая, словно лоза,  
Опускает почти голубые глаза.

Не особо высокого роста сама,  
Но улыбка с веселой хитринкой ума  
И дышащие высокие  
Много полней  
И выгаднее слов говорила о себе...  
Он спросил у Галины о бывших друзьях,  
Оказалось, что многие в разных краях,  
А другие женились, вменяют работ.  
— Эх,— вздохнул Алексей.

Знал я друга с ювиной и светлой душой...  
Сколько раз говорил он о дела большой,  
А женился — и сразу ушел на покой...  
Нет! Списал меня бже от женитьбы твоей!  
Гость, как после об этом Кузьмиче говорил,  
Выгыл чашо стака, восхлед, покуря  
Да мелком рассказка про есседса того,  
Что вестса Мамычкова с пристанкою Го.  
Модя стреледат да ловитса в маш озороз,  
А полудит по рыду — назад поворот...  
Положение такое — ты не так —  
Не сегодня, так завтра, а будут бон.  
И, промолвса, дообала:  
— Имейте в виду,  
И что и завтра в такое же время приду.  
И действительно: так значится, что беда,  
Кроме нас, починал и ходил мешком.  
Да ведь как поступал!  
Говорит: рудоза,  
Дескать, в доме теперь атмосфера не та,  
Дескать, Гала, не будем мешать старика,  
Пусть подремлет...  
А сами уйдут на реку...

И о чем говорили они дотемна,  
Это знает, наверно, лишь Волга одна  
Да песнями обвита, на котором они  
Ветрами нередко бывали один.  
Алексей, по словам Кузьмича, не знала  
И, как возится, мыла в огню подвала.  
Дескать, мало веселого, Волга да тишь,  
Не живешь ты, Галина, а вебо коньяка.  
И впитала, чтобы слышала только она:  
— Для того ли нам жилища дана?  
И поедит и поедит, будто старый званок,  
Толкуют непременно про Дальний Восток.  
Дескать, ждет этот край настоящих людей,  
На дуэте не пританчив жалея своей,  
Не привыкших в черную зепать поутру,  
Не боящихся жить на просторном ветру...  
Скоро стало известно, что гостю пора,  
Как и нас говорит, выскочил со двора,  
Огорко, дескать, в отчем дому побылат,  
Но о воинской службе нельзя забывать.  
Тут-то все и раскрылось.

Петру Кузьмичу  
Алексей говорит:— Я наднак учую  
И прошу вас, как просит родного отца,  
Вместе с Галею выслушать нас до конца.  
Имя не знаю, но знаю, кто вы,  
Кем и в сущности, был?  
Только дом свой да местную Волгу любил,  
Да считал себя чуть ли не пупом земли.  
Да сидел восковыш, как рак на мели.  
И теперь,— говорит,— покаяно, что нам,  
Молодым, надо быть, поименно да, там,  
Где нехатак людей, где больше дела,  
А не там, где машина бьет рождка.  
Потому,— говорит,— покаяно вину,  
В РККА на беспрочную службу иду,  
Дескать, там я друзей настоящих нашла  
И вступила в комсомол...  
И поедса, поименно...  
А Галина мол, по словам Кузьмича,  
Завила, по скатерти палачем стука:

— Алексей уезжает,  
И не могу,— говорит,— выскочить со двора,  
Без него оставаться в семейном кругу,  
Дескать, еду туда,— повторять опять,  
Ты ей слово одно, а она тебе пять...  
— Мел, пока не ушла молодое тоза,  
Не мешает пролезать кое-куда.  
Не мешает, панаша, по правде сказать,  
На людей поглядеть и себя покатать!  
Оказалось злобавом, что он и она  
Соборались ехать как муж и жена.  
И довольно смежно, говорит, ожидать,  
Что смугу и на то разрешения не дать.  
И уездал вместе...  
А мы, старика,  
Нукуда, говорит, не поедем с река,  
Потому что отсюда уедет не весь:  
Сам уедешь,  
А сердце останется здесь...

### III

В середине минувшего лета явить  
Мне явилась у Петра Кузьмича побылат...  
Я в свой паролот сползал и рывком  
К Кузьмичу дотанаса с запятыми мешком.  
Петр Кузьмич, как известно, пылок неолохой,  
Уостил меня тут же стержней ухой...

Говорит:  
— Заночуй: Все равно паролот  
За тобою не раньше чем завтра придет.  
Я остался, к рывком возвращаться не стал,  
Да потому что, признаюсь, по-прежнему устаю,  
Во-вторых, как-то дождно,  
Пожалуйста в дом,  
Где сегодня ж со всеми простился с трудом.  
Петр Кузьмич уходил раза два или три  
На реку и глядел на свои фермы...  
Я уедешь на мягком его ямине  
При закрытых дверях, при открытом окне.  
Было тако и душею...

— Где-то земля...  
Вероятно, на той половине земли  
Удала грюк... И встала зарпым по мле,  
Будто кто-то со спичками шел по земле,  
Да как-то плыла над своим ферм...  
Безусловно вытаскала нарушуть покой...  
И оныя за песками, несведомо где,  
Паролот однокю ступил по воде.  
Нам обноме, поэтоме,  
А Рассказка Кузьмичу, ничего не таю,  
О себе, о стояние, о многом другом,  
Длине моего интереса, а мне дорогом.  
И являлся, мне, покача головой  
И являлся...

— Бымлет, зоть волком завой.  
Сказав, после дежурства промешесь в обеде,  
Да вокруг погуляешь... А Галины нет.  
Только письма ступаа прихлдит сюда,  
Дяде Ване и мне,— говорит,— и всегда  
Мы садимся на свет, чтобы послушать да глаа,  
И читаем те письма по выключке раз...  
Он хотел продолжать, но уже на реке  
Появились плоты... И с выгаркой в руке  
Петр Кузьмич побежал на реку, говорит:  
— Эх, задулет за башей — и нет фонаря!

— И куда? — берется Кузьмич, и ядсом,  
Мы проложимся, в какой-то оныя о своем,  
А затем я, для важности, чуть помолчу  
И с мечтательным видом скажу Кузьмичу:  
— Ничего не унадеж, старик ДВК!  
Где леса уходян в туман, как века,  
Протянувся дороги, бегущие к нам,  
И огни засвятили по всем сторонам...  
Волнынаится крепостью край-сполдана,  
Олеветса в золоту гибкой долины,  
И шумят на гряде у того города,  
Где в бездолоном покое томилась рудка!  
Молодые децата и парит отню,  
Волнынаится крепостью край-сполдана,  
Олеветса в золоту гибкой долины,  
И шумят на гряде у того города,  
Где в бездолоном покое томилась рудка!  
Молодые децата и парит отню,  
Волнынаится крепостью край-сполдана,  
Олеветса в золоту гибкой долины,  
И шумят на гряде у того города,  
Где в бездолоном покое томилась рудка!

Через децать часов томилась рудка!  
Закривал на хороз наступником босой...  
Засистела паролот за несчаевой косой...  
И, уже не толкую почти ни о чем,  
Я сердечю рассталса с Петром Кузьмичем.  
От промешного явния димчлса земля,  
Ветерок помыкалса, кусты шевелса,  
А дрометая Волга, как там говорит,  
Одевала небесного неята наряд  
И димчала живительной свежестью вол...  
И димчала на радуге весь небослов,  
По которым какой-то плыла плыла,  
Золетса за радугу краем краля...





# Могучие крылья

Я летчик-истребитель. В авиацию я пошел по первому призыву комсомола. Я очень люблю свою работу. Я горжусь тем, что партия, Сталин, весь советский народ поручили нам, летчикам, охрану воздушных рубежей страны социализма.

Тысячи комсомольцев служат в авиации. Всех нас воспитала партия и Ленинско-Сталинский комсомол. Став разведчиком, истребителем, бомбардировщиком, каждый из нас горю и аусишно несет почетную воздушную вахту.

Мы, советские летчики, знаем, что за нами весь великий многонациональный советский народ; мы чувствуем на себе внимательный и любовный взгляд великого учителя и вождя — товарища Сталина.

В героических буднях боевой удачи куется несокрушимая связь между Красным Воздушным Флотом. Сегодня наша авиация охватывает мирный труд граждан СССР. Но если агрессоры навьжут нам войну, мы будем бить фашистов бескомпромиссно на их территории.

Нас вдохновляет пример героической борьбы республиканской авиации Испании с фашистскими летчиками. Нас радуют успехи бесстрашных пилотов Китая.

Сталин учит нас: «Интернационализм является основой идей, проникающей работу комсомола. В этом его сила. В этом его мощь. Нужно, чтобы дух интернационализма витал всегда над комсомолом».

Каждая весть о новом подвиге молодых китайских или испанских патриотов глубоко волнует наши сердца.

Летая над огромными просторами своей родины, я мысленно представляю себе поле боя в Испании или в Китае. И в воздухе и на земле, когда читаю газету, слушаю радио, меня всегда глубоко волнуют события в Испании, Китае.

Я живо представляю: в кабинках самолетов, в люках боевых башен наши братья, наши товарищи по классу, такие же рабочие, как и я, Сильно среди них, герои! Вот они разгоняют стаю фашистских бомбардировщиков, пытавшихся бомбить Мадрид. Вот они вылетают из самолета, пробитого во многих местах пулеметными очередями. Их лица сияют отвагой и залиты кровью. Эти люди хотят быть свободными и поэтому не ценят своей жизни в борьбе с фашистами.

Читаю газету: «Одна против тридцати». Каждый представляет себе эту страшную картину и глубоко переживает ее.

«Республиканский истребитель столкнулся лицом к лицу с тридцатью истребителями противника. Положение было незавидное. Но летчик не отступил. Он дрался до тех пор, пока не разжал ствол фашистских «стребителей».

Он не дал противнику зайти под хвост. Пользуясь своей маневренностью, он выкалывал из-под ударов и сам кидался в атаку, забравшись под хвост то одного, то другого самолета».

Летчик не струсил даже тогда, когда положение казалось почти безвыходным, когда кончились патроны и была пробита люкфором, шпангоут и поддерживающие дельта. Он уловил момент и, резко вывернув, ушел, оставив противника ни с чем.

Проматривая фотоснимки боев в районе озера Хасан. Прислалю взгляды на ядро сланных дальневосточников, разбивших и прогнавших возмущенных самураев. На собственной шкуру японские илечичи убедились в силе советской авиации, в мужестве советских летчиков.

Победа советской авиации умножает и укрепляет силы мира, противостоит темным силам фашистских поджигателей войны.

Герой Советского Союза  
полковник АНАТОЛИЙ СЕРОВ

В День авиации — 18 августа — в Тушине демонстрировалась мощь советской авиации. Сотни летчиков, воспитанных Ленинско-Сталинским комсомолом, показывали свою высокую авиационную культуру.

Комсомол — шеф Красного Воздушного Флота. Десятки тысяч молодых рабочих и колхозников, занимающихся в аэроклубах, овладевают летным делом. Многие из них становятся бойцами неопытно-воздушных сил РККА.

На нашем снимке секретарь ЦК ВЛКСМ тов. А. Косарев и комбриг тов. Котлов на Тушинском аэродроме наблюдают за репетицией «воздушной боя» истребителей.



Рассказ

С тех пор как отряд Лисина ушел в хребты, связь между партизанами и шахтой держал только Савка.

Не всякий из комсомольцев Сузана мог бы, выйдя на рассвете, добраться в сумерках до одинокого охотничьего балагана, крытого ветками и корьем. А Савка приходил к Лисину всегда засветло. Он как будто специально был сшит для походов в приморской тайге — из темной кожи, вольчих сухожилий и крепких костей. Чубатый, упорный, легкий на ногу, как гурья, он знал сопки не хуже чем шахту, в которой третий год служил коноводом.

Мать его когда-то вела на Савку, шпона брезентовые штаны, вздразненные чортовые деревом. Бродяга! Перекати-поле! Был в отряд! Тот приехал с фронта, усталый, желтый, разбитый, и сразу, не отдамывашка как следует от горючего газа, кинулся в драку. Он и теперь бродит по степи, возле Урги, — бьется с какими-то немскими баронами — не то Удэром, не то Германом (мудреные фамилии плохо давались старухе) — семизыкий, упорный, как черт. И этот пыжики? туа же! Привет под почку (думает: никто не видел) ржавый драгунский палан — подарок матери, — австрийский тесак и бутылочку гранату, которую мать (чтобы не взорвалась) каждую субботу тайно подливает водой.

Трудно было не расквашиваться, глядя, как худющий, помершавший Савка по ночам забрасывается на холодную чеченку.

В семидеять лет мало кто слушает материнское воркотню, а Савка к тому же редко бывал дома. Вещи он, от замыленного уголом чуба до ветхих иниц, принадлежал комсомолу, отряду, тайге.

Второй год отряд бродил вокруг рудника, явнесь молниеносные укуссы японцев, но боевая серьезная была. Надобно спускаться в долину было оговоро: половина бойцов не могла копать, а на голову командира ингервенты давали пять тысяч иен.

То был ожесточенный, хлебушный горняк: бешанье на восток от пожараки амуурские, хлеборобы, шахтеры Сузана, владивостокские грушники, рыбаки, матросы, старожанье-охотники из долины Сици — люди, вооруженные гневом богаче чем воинской техникой. А командовал ими Лисина — дощатый владивостокский минер — золотозубый, чеканеный крупными оспинами. Лисина был клад для отряда; он умел все: заложить фугас, сварить иин из крапивы, смастерить бомбу из боржомской бутылки, даже обушить радужный винтовочный ствол. А когда матросы начинали перерывивать говор сибирских чалдонов или докар по-камчатдальски, старый охотничий балаган отсылал его к холоту.

Без Лисина, без дружеских шуток и жесткой матросской руки, пожалуй, не выдержали бы голышную зиму, затосковали бы, рассматривали бы по деревням. А с ним не сдвину Жили в хребтах, в балаганах из коры, вшивые, закованные, куралы дубовые листья, терпеливо ждала конша весенних туманов.

Савка давно мечтал перебраться из шахты в отряд. Рудник при интересах был доукомплектован. Правда, еще стучал явнесь и долами во напысьи вагонетках, но вагоны на станции стояли порожние: славный сузучский уголек шахтеры берегли для лучших времен.

Скучно было спускаться в пригнущую шахту, слушать стук, канель да треск осклазненных крепей. То ли дело балаган за хребтами, отряд Лисина, стывчки с японцами. Так думал приятель Савки — малышкий горняк Андрейка, расудотелый, тиний Ромаса, и другие коноводы и платные — товарищи по комсомольской деските. Удэривал их только приказ комитета: комсомольцам быть в шахтах, ждать выступления, воду откачивать, уголь на-гора не давать.

Втайне Савка мечтал о «настоищей» партизанской работе. Дали бы ему «Максим» или на худой конец «Шосс» — он показал бы, на что способен сузучские комсомолы! Но поручения были самые пустяковые: срывать в конторе шахты старенький японсковоый телефон, раздобыть аршин пять запального шпурра,

подсмотреть, когда сменится караул у интеллерийского склада, или сосчитать явнесь, сколько теплушек в японском воинском эшелоне.

Несколько раз Савка доставал из отряда на рудник странные записки, составленные сплошь из цифр. Адресом был стрелочник рудничной узкоколейки — голубоглазый, плешивый, очень аккуратный старичок. Он всегда возился на огороде за водокачкой, разгнотывал шпелочку землю вокруг тоненьких стеблей баклажанов, поливал салат или разравнивал граблими и без того ровные грядки.

Видно стрелочник кое-то знал, но, кроме самых обычных стариковских рассуждений о погоде или чмелях, Савка ничего от него не слышал. Это удивляло и обижало саписта. Передавая записки, он не раз пытался завязать со стрелочником разговор о более серьезных вещах чем кабанья или настоящие коноводские думьки.

— А выши опять двух кампелей? — влезал — говорил Савка небрежно, — один радовой, другой с двумя личками... Операция ничего себе...

Стрелочник слушал его терпеливо, но без всякого любопытства, только гмыкал носом, не выходя, не то собирался засмеяться.

— ...А Лисина опять за канюшками в город ушел... А что у вас нового?

— Что у нас? — говорил стрелочник, выжидая синичкой бумажку. — У нас, голуба, огурич третий лист встывает... Редиска-то, верно, перестоялась, пожалуй... Видно, кончился сезон...

— Организация, говорю, как?

— А ничего, ничего... Лисы богато влезли — в продхозинге... Как утадали — два новья ульи встали. Чмавать будем? Ты, голуба, какой любешь? Лисовый или грешневый?

При этом он глядел такими простыми голубыми глазами, что у Савки пронадала всякая охота продолжать настоящий «партизанский» разговор.

Только один раз, когда Савка, потоптавшись

• Кампелы — ордены генерала Кампеля, в данном случае вообще благодарности.

1 Гурья — горный козак.  
2 Палан — оловый тенток 3-6 человек от рудника.



государства, всех коней, в количестве семнадцать голов, а также овес!

— Савка покосился на охваченного Прищеву и добавил:

— ... всекие саботажники и дезертиры приводятся в исполнение трибуналом на месте... Подпись... штабная печать.

Прищева был подавлен, побежден способностями Савки и решительным тоном приказов. Вора, он подвел к стволу своего толстого «Грубача», расправил ему под бровком брезент и астетскую ремни.

— Некий буде так... сказал он грустно, — коням на волю, мени у каземат...



— Голубчик, гаспадин ахивьер! — закричала Лисица провозительно.

Партизаны молча стояли возле брезентового барьера, следя за вертикальной стойкой каната. Разрушенный веревкой подвешенный белодыш: все добрую выдала белодыш. Две изогнутые лопатки лата по деревянному кругу, с натугой наматывая на барабан стальной трус. В предраассветной тишине много стучали по изломанным бревнам концы да щекалы, задвигая шестерню, зуб стенов.

Партизаны подскочили «Грубача». Железа слепила глаза: пощадил от рожего света, старательный Савка еще вину надел ей на голову два мучных мешка и этим еда не задумался «Грубача». Выгнувшись дугой, вытонул в мучительном надрыве шед, конь, казался окаянным, но как только ноги его коснулись земли и отвалился от броча брезент, «Грубач» легко воскреснул на дыбы и, храпя, пошел на Лисицу. А когда сорвался мешок и вправо в жалкую дощину коня ударил зашком майфакт трав, «Грубач» вздрогнул, поднял голову и заржал, должно быть, впервые за все время невеселой подменной вахны, заливисто, трепещито, злобно, точно болельщик-стрелок. И сразу тем, кто стоял под навесом, в тем, кто лежал на насыпи, в мокрой траве, стало спокойнее, веселее и легче — столько слыш и радости было в долгом рывке коня.

Подняв «Голубчик» упрямо и маленько, точно юнга, подвинул славную, болоную «Ночку», любя дрозжану от волнения, и тяжелого злого «Гусака», пытавшегося достать шатером зубаны. Становилось светлей, и несмотря на зашпестевшие кони вели себя возбужденно: блансы, хрипяли, рвали на руки поводки... Спокойнее все вел себя «Ляман» — серый высолодкий мерин с голуб рожками и красненькими, набухшими в суставах копытами. Едва смикла лыжи, старик отразился, твердо поставил уши и, прихрамывая, направились прямо к воротам, куда звал его запах морских дуг.

Оставалось водить четырех лошадей, когда приближал один из комсомольцев, нахалничавших в сторожевом окрестности. Запыхавшись, он сообщил, что подходит японский патруль.

Лисица молча выслушала доносение, вышиб о каблук трубку и вразвалку пошел к насыпи как всегда, он не торопился. Нагнулся к бойцам, ровня короткие усвоительные словечки, он обобщил шель и стал за генералом маневрового парозова. Кто-то из комсомольцев, лежащих поблизости, нетерпеливо спросил:

— Ударил? Или как?

— Ни боже мой, — ответил Лисица злодольство, — как вылезли коней — отходите... Не ждите.

И вдруг, подмигнув под сцеплениями, закричал неурядным фальшетоном из смерть перепуганного человека:

— Кар-рауд! Грابتит!

На дороге показался патруль. Два голоса разом спросили:

— Стой! Кто это?

— Голубчик, гаспадин ахивьер! — закричала Лисица

провозительно. — Ваша японцев! Не военная Ах, бяда! Вырите багры... Скорее бегите... Баба булкая лупашка... Баба моя в колеев чубуракнулась.

Лисица забормотала скоротерговому. Пугая забайкальские и сибирские говоры, он стал рассказывать одну из своих озорных, мелешек побасенок, известных всему отряду.

Ложившие за насыпью дались от смеха. Лисица сутулилась, хватая собеседников за рукава, клала себя по ложкам и говорила без умолку, умышленно вызывая десетки недоуменных вопросов.

В полоте шагов от Лисицы, под навесом, попеременно стучали кони по кругу и пощелкивая створ лобками: выдался на-гора посыланно лошади.

Наконец, один из японцев нетерпеливо сказал:

— Хорошо, хорошо... Корбадас где есть?

— Айдате, гаспадин ахивьер... Однако из себя выдале.

Сутясь, громко вскрикнув, он повел патруль в сторону от уносоловья. Вскоре за поворотом затихли и шаги солдат и плывущий голос Лисицы.

Кто-то, погнав улыбку, тревожно сказал:

— Огнем шарить истрет...

— Не укачивай... Он сколький?

— Стало воню стасло. Горы вокруг рудника растундился, поленелли. Высоко над темными кронами деревьев зажглись перистые облака. С дальнего озера уже летели в низину тонкогорлые крики.

Последним подвинул ороловского метиса «Серыша».



К призыву на «Серыше» подехал сам Прищев...

Лошадь вела себя беспокойно. Еще вину, едва ноги ее оторвались от земли, она стала жестоко рваться, стремилась освободиться от вислоко затнутых лямочек. От салыных рымаков брезент передвинулся к задним ногам, голова «Серыша» перевернула туловище и несколько раз задела о бревно. Тогда люди, стоявшие наверху у лобки, ухватились за коня почти человеческой выносливостью.

Освобожденный от ремней, «Серыш» встал, подпрыгивая, точно под ногами кружила земля. Ногами его раздулись и окиснели. Выпуклыми, дикими глазами смотрел «Серыш» на стелющиеся горы, на лица людей, в пелену тумана, улавливаемая в паху шкура коня злобно вздрагивала.

Кто-то с силой поджал и закрыл «Серышу» морду. И вдруг ноги коня разошлись, он рухнул на бревно, покрытые угольной пылью. Боса его стали раздуваться с невиданной силой, улавливаемая в паху шкура коня вернулась к дальнего бета.

— Наголотаи высокого воздуха... Сердце зашлося... — сказал хозяин поджала.

— Равность давленая, — повисал машинист маневровой кукушки.

Не ожидая Лисицы, партизаны сдвинулись по коню. Все знали: предлет как — и агитрос снова повяжет в шалаше на кора-рыжесую, насмешливый, с упрямым подбородком, выскобленным по флотской привычке до блеска.

Вместе с партизанами уходили в табу кономы. Нетерпеливый Андрей, не ожидая команды, встал на «Лямане». Рядом достался «Гусак», Савка выбрал легкую «Ночку». Гордый успехом операции, он заметил важничать: подблизившись, подобно Лисице, и мурзил без надобности нунастье мальчишечья броча. Подогнанный на голый дощатый спине, он все время шипел с правой стороны псов — отовсюди, солдатский. Слова Савки решил поднести итаги, который он сегодня получит в отряде. «А мурзил, и мурзил!» — подумал он, подгадывая с завистью на деревянную кобурю смеха.

Маленький отряд выехал за ворота и на рысках стал спускаться в долину.

На сдвинуло у строй смолкурия отставив. Остановившись, чтобы подождать отставания Андрейка, услышав уже несколько раз раскаты, как перебитый упрямою кономой, прервался к Савке с просьбой показать громный броча, изгнанный Прищеву. Посмеявшись, Савка вынул из табачницы четвергушку пыльной брочаги. Гранул смех. То был действительно форменный документ со штампом, жирной печатью и лихо закрученной подписью: свидетельство участкового фельдшера о приписке осы.

Стала подгадываться отставание. Грозная бумага пошла по рукам, вызывая остроты. Чуть выжидая, Савка стал снова рассказывать как подвезать на Прищеву «парарага» с печатью, и даже изображал служуку, ставшего перед бумагой его фрунту.

И вдруг Савка закричал: к призыву на «Серыше», короторого все считали призывным, подехал сам Прищев. Старик сидел, растопырив толстые ноги в опрках, старательно оттопнул от лошади оводок. Рывый брезентовый плащ с капюшоном и холщевая торба по-казывали, что кономок собрался далеко.

Савка обрадовался и смутился:

— Дядя Захар... Вы с нами в отряд?

— А чего я там не бачу? — ответил он осторожно. — Я только за конями.

И строго добавил:

— Как отомнется, назид уведу...

# Невеста

Вечере поода стоа долго. Галя вылаа з телушкы, одеруа снннннне розовое гадье с высокою оборчатой вортшкы и, захватыв свой чемодан, стала выбираться из толпы.

Полный мужчина в студенческой фуражке, с которым она ехала в одном вагоне, сказал ей шопотом, пригнувшись к самому уху:

— Не отходите от меня... А то товарищи комиссары любят под предлогом обиска заманивать молодых девиц к себе в штаб.

Он протянул руку к головному чемодану.

Галя сердито посмотрела на него, потом вспомнила, кто она, и сказала, идущу губою:

— Ах, не говорите мне про такие ужасы! Спасибо за внимание... Но у меня здесь живет тетя, и поеду посюку у нее.

— Мерси.

Она прошла через границы, набитый людьми вокзал, постояла немного на платформе, оглядываясь во все стороны, потом подошла к мрачному часовому и тихо спросила:

— Девочка, в штаб куда идти?

— В штаб? — переспросил часовой, удивленно смотря на ее пышные щеки и кокетливо повязанный на голове шарфик. — На что он тебе, штаб?

— Надо, — твердо сказала Галя.

Часовой перевернул винтовку, украшенную красным бантом, от одной ноги к другой и сказал перешептливо:

— Вот там обобь... и в ту дверь.

Часовые в штабе тоже с удивлением смотрели на Галя и пропустили ее только после того, как она назвала фамилию брата.

Брат, назвавшись грубо на стол, писал что-то, выходя и почесывая левой рукой затылок. Она долго не замечала Галя. Она стояла перед ним, улыбаясь, потом тихо позвала:

— Игнат!

— Стрелка! — закричал Игнат. — Голубчик

Смотри, какая барышня! Откуда это ты?

— С Москвы, — сказала Галя. — А что, красивая?

Брат подсел Галя около себя и спросил серьезно:

— Дальше поедешь?

— Угу, — сказала Галя. — Везу кое-что.

— Шоб тебе чорт побрал, — сказал Игнат. — Погубишь ты, честное слово!

Из двери вышел высокий худощавый военный с тинными, заполонающимися глазами и, оставившись около стола, за которым сидел Игнат, спросил:

— Перевисал приказ?

Он собрал листки со стола и, просмотрев их, спросил:

— Кто такая?

— Сестра моя, — сказал Игнат. — Едет на родину с поручением... Чего везешь, Галя?

— Галя мигнула брату, но он сказал, успокоив ее:

— Ничего, говори. Можно.

— Листочки для немецких солдат везу... и еще кое-что.

Военный нахмурился и сказал:

— Немцы проверят очень тщательно. А зачем же два поручения сразу? Первый раз

— Где там в первый, — с гордостью в голосе сказал Игнат. — Раз восемь уже ездила.

— Пять, — сказала Галя.

— Такая безлова, — сказал Игнат. — Сарота. Все около

меня жила в Киеве, работала на школьной фабрике... Первый раз домой пришла все в школах переделанная... Жалко говорить.

Хоть облемавай ее... Такая была

смешная. А теперь вот выросла... Военный засмеялся, взял галяну руку в свою и пожал.

— Желая вам успеха, — сказал он. — Берегите себя.

— Меня бог сберезит, — сказала, дукая улыбаясь, Галя. — Я же по паспорту поповская дочка.

Когда военный ушел, Галя сказала:

— Сампятичный какой... Наверное, комиссар, да?



Высокий худощавый военный с тинными, заполонающимися глазами остановился у стола.

— Дурная ты, — сказал Игнат. — То ж сам

Шор! Да ну! — испугалась Галя. — Никогда б не подумала...

## СТРАНИЦЫ НАШЕЙ БИОГРАФИИ



Молодые красногвардейки завода баш. Мухоморова — участницы опертивных боев в Москве.

### ПЕРВЫЙ ДЕНЬ РЕВОЛЮЦИИ

На воспоминаниях Анны Липовой, первой депутата-работница, вступившая в состав молодежи на Пресне в 1917 году.

Утро. Торопилась на фабрику. Поражает перемена улиц: нет обычного движения транспорта, реже видны прохожие,

ворота многих домов закрыты. Прибавля шаг и скоро захожу в замок фабрики.

Встречают работницы, несколько членов замкома. Чувствуется некоторая растерянность, показывают воззвание Временного правительства и Революционного комитета. Сейчас же устремивсь небольшое заседание замкома, устанавливается: воззвание Революционного комитета вывесить, Временного правительства — свесить, устроить доверию членов замкома, а всех работниц распустили по домам.

Мы с Таней бежим в Предтеченский, в наш райком-клуб, ставший боевым штабом. Тут жизнь кипит: пришли тильмановцы, записывают оружие. Все горит нетерпением дождаться, что сосунки — народ тоже серьезный и за революцию постоит.

Сперва изредка, а потом все чаще и чаще раздаются выстрелы, татакают пулеметы: иногда солдато и вско говорит трехдвойника. Оставаться в бездействии невозможно. Начинать анкорироваться нежелает-

вать литературу, списки и бумаги в надежное место. Райком переносит штаб на завод тильмановцев. Присутствует организация санитарной помощи. В женских руках недостатка нет, девушки — члены союза молодежи — с радостью идут на эту работу. Производим реженицию необходимых медикаментов первой помощи, являем мешки с красными крестами, и отряд готов.

Московский совет превратился в боевой лагерь: во все здания, на ступенях лестниц сидят, лежат и спят красногвардейки, переменялись с солдатами; почти одновременно с нами прорвался бронированный и по Гвардей катит к совету; раздался чей-то крик: «Выход!» — и все бросились на улицу; начался обстрел броненосца; стреляли упорно и жестоко и скоро обратили его в бегство, он ушел под всего один выстрел из трехдвойника,

от которого только кое-где посыпалась стекла. Висели дюжк рваных красногвардейцев, в суматохе повязаны под выстрел своих же; пришлось на них впервые проявить свое искусство — перевязывать.

Поздно вечером социальным путем мы выбрались на Пресню. Пресня в эту ночь сравнительно с центром казалась мертвым городом: пустые улицы, закрытые ворота, мрачно притягиваясь громадом зданий с тинными окнами. За ночь им подогнали все, что могли, для походного лазарета, утроем все ожило и зашевелилось. Слово муравьи из потворенного муравейника отсюда-то повелись рабочие с выносами и шли к штабу, перенесенному на Прохоровку. По всей Красной Пресне — от заставы до Зоологического сада — тиннулось цель красногвардейцев, состоявшая в большинстве из членов союза молодежи...



## СТРАНИЦЫ НАШЕЙ БИОГРАФИИ

Между Уречья и Клиньями была нейтральная зона, и Клиньях стоял немецкий отряд. Там пассажиров высаживали на поезда: выдавали паспорта. Стоя в длинной очереди, Галина снова увидела себе, что она Олимпиада, дочь свиноводки из села Поховки, Платавской губернии.

— Чома меня зовут Липочка, — думала Галина, — наверное, и у него вышивать, шить есть. Может, даже на рюше играть. Я же полюбила. А интересно, что это за село? Там, наверное, речка есть. »

Она привыкла к своему селу под Киевом, где жила у бабки с дедом до 13 лет и владимирка. Хорошо ей жилось у бабки, только дед слишком уж часто стегал хворостинкой. Из-за деду она и уехала к брату в Киев.

«Чи уинку я вас котым-нибудь? — позувала Галина с нежностью. — Вы же у меня староньки... Может, вас немцы с гайдамаками там поубивали за вас с Иваном... А может, еще и живые.»

Очередь приближалась. Галина слышала речный голос немецкого офицера и немалые слова на чужом языке. Рядом с ней стоял гайдамак в замоченной шапке. Гайдамаки Галина боялась больше чем немцев. Кто его знает? Он мог оказаться из Киева или издосе же там-нибудь... А немцы наверняка неизменно. Но за агитацию среди немецких солдат расстреляли без суда.

— Показывайте на-авороти! — сказал немец, странно выдвигая вперед нижнюю губу, от чего вертелся, с толчками ужимая над ней, становилась совсем маленькой.

Галина протянула ему паспорт и улыбающуюся, показывая нежные ямочки на щеках. Немец переглянулся с гайдамаком, прищелкнул языком и, чуть заметно подвинув Галину, отдал ей паспорт. Галина кокетливо опустила глаза, прошла.

Можно было садиться в поезд.

Издали она увидела того самого знакомого мужика в студенческой фуражке. «Ой, опять будет приставать!», — подумала Галина и, сделав вид, что она не заметила его, быстро прошла по перрону.

В вагоне Галина сидела на своем معمولном, принашившемся, голубом к льняной широкой шпине, вылезе марке. Стенки поезда медленнее влетали мимо неосвещенных станций, останавливались в поле.

На рассвете поезд остановился. Пассажиры могли выходить на вагоны. Их окружили и повели на станцию. Утро было пасмурное, свет еле пробивался через грязные, давно мытые окна в большой стационный зал. Посредине зала стояла сухая пальма. На пальме висела чья-то картинка.

Женщина отделила от мужчины и сосидки в один угол. Начался обыск. Пассажиры по одному подходили к двери. Офицеры, ругаясь, проверяли паспорта и вещи. Какого-то мужчину артажили к комвенту. Из-за закрытой двери раздавался громкий крик.

В толпе пронесся шепот. Передавали, что идут комсару, который берет с собой корзину, помню бонб. Женщины ахали.

«Сю же мне делать?», — подумала Галина и облегла глазами зал.

Около дверей стояла охрана, и солдат были тоже, намурыные лица.

Листочки лежали в чемодане под бельем. Но, кроме листочков, в одежде у Гали были зашиты две «долотенки» с партийными директивами, предназначенными для заводских организаций. «Долотенки» нельзя было дать в руки врагам.

«Надо избавиться от листочков», — с досадой подумала Галина. Черт с ними! Гали поставила свой чемодан на пол. Толпа шаркающая в сторону. Гали тоже отступила и ногой подвинула чемодан к окну. «Пусть у меня раньше проверят паспорт», — подумала она, — а потом и что-нибудь скажут. Может, я его с перрона достану через окно.»

Еще одного мужчину в солдатской швейной потаници к комвенту. «Надо мне улыбайтесь», — думала Галина.

Охранка пронюхала ее, она посмотрела через раскрытую дверь на перрон. На пухе под парями стоял народок.

В это время в зале раздались крик:

Летом 1919 года Юденич начал наступление на революционный Петроград. Комсомольцы спешно проходили военное обучение и отправлялись на фронт защищать родной город, защищать революцию.



### ПОГолоВНА МОБИЛИЗАЦИЯ

«Я не могу не остановиться хотя бы в двух словах на той исключительной роли, которую сыграл наш Комсомол в период гражданской войны. Это, товарищи, необходимо особенно подчеркнуть потому, что мы с вами сейчас переживаем так называемый мирный период социалистического строительства.»

Вспомните, товарищи, что в наиболее тяжелый, наиболее гнетущий период гражданской войны, в тот момент, когда широко развернулось наступление Деникина, когда многим и многим казалось, что злов кремлевских колоколов скоро будет аккомпанировать вхождение денкинского полчища в нашу столицу, в этот момент наш Комсомол обринул в тех губерниях, которые соприкасались непосредственно с южным фронтом, поголовную мобилизацию всего Комсомола на фронт.

И те из нас, которые тогда были на фронте, те помнят, какую громадную, и мы сказали, исключительную роль сыграл тогда Комсомол. Надо, товарищи, прямо сказать, что мы, большевики, вообще говоря, народ, который умеет бороться, не шадя своей жизни, и то иной раз с «эвентуаль» смотрели на героев, которых давал тогда Комсомол. Достаточно было взглянуть на эти молодые полки комсомольцев, чтобы преобрести новые силы, новую уверенность в дальнейшей борьбе. И в случайю, товарищи, что в этот трехлетний период гражданской войны, как вы помните, Комсомол, несмотря на огромные жертвы, ка-

кие он нес на всех фронтах, увеличил свою численность почти в 20 раз. А с тех пор, после окончания гражданской войны, мы, товарищи, на всех этапах, на всех фронтах социалистического строительства видим растущие, крепнущие кадры комсомольцев, основных помощников комсомола нашей партии, в лице ленинского Комсомола.

(На выступлении С. М. Бутова на торжественном заседании комсомольского актива Ленинграда, организованного 15-летием ВЛКСМ, 20 октября 1933 года).

### О МОБИЛИЗАЦИИ КОМСОМОЛЬЦЕВ ПРОТИВ ДЕНИКИНА И СЕЗД РКСМ ПОСТАНОВИЛ:

«1. Для защиты Республкия и обслуживания фронта и тыла Красной Армии производится мобилизация членов союза от 16 лет.

2. Мобилизация производится в следующем размере:

а) организация, находящаяся в укреплении секторе южного фронта губернии: Орловской, Тульской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской, Калужской, Московской, производит поголовную мобилизацию;

б) остальные организации мобилизуют 30% числа союза от 16 лет.

(Стенографический отчет II съезда РКСМ, стр. 163—164, Над. 1924 года)



## СТРАНИЦЫ НАШЕЙ БИОГРАФИИ



На этой редкой фотографии запечатлены один из первых субботников комсомольцев Петрозавода.

### НА СУББОТНИКЕ

«С большой радостью собираюсь с товарищем отбыть субботний «стакан» по решению железнодорожного подрайона партии и временно, на несколько часов, дать отдых голове, доставив работу мышцам. Нам предстоит работа на деревообделочном заводе лесотех. Пришли, увидела своих, подворажились, пошутили, сосчитали силу — всего 30. А перед нами лежит «чудошнее» — паровой

котел довольно солидного веса, изудов 600—700, и его-то и нужно нам «переставить», т. е. перекатить чуть ли не 35 или 45 версты к платформе. Союзные заводчане в наши мысли... Но вот мы уже стоим за делом: попорту товарищи волевым под котел деревянные катки, прирешили две веревки, и работа началась... Подкатся котел нехотко, но все же пошел. Мы радуемся, нас ведь

так мало... ведь этот самый котел тащили чуть ли не две недели рабоче-некоммунистично, числом ятрое больше, а он унырлся, пока не дождался нас... Работаем час, сильно, дружно под мерные звуки команды: «Ша, шаг, шаг» — наперек тов. законсервации, и котел идет да идет. Вдруг, что за охотка? Внезапно, смеясь, полагаясь на целый ряд товарищей, — это «изменила» веревка в руках наших... Но мигнувшая задержка: на месте ее укрепили канат... Вечер, уже поздно, но темнеет, но нам нужно еще одолеть небольшую горку, и тогда работа будет скоро сделана. Трещат руки, горят ладони, потеемся, прем во всю, — в дело спорятся. Спот «администрация» и, смущенная успехом, несколько тоже беретесь за канат: помогай! Давно пора! Вот на нашу работу посмотрели красноречиво. В руках его товарища. Что он думает? Что за люди? Что вы надо в субботу, когда все сидит по домам? Я разрешено его дождали и говорю: «Товарищ! Сыграй нам веселую, мы ведь не какие-либо работнички, а настоящие коммунисты, — видите, как у вас горят работа под руками, не жеманься, а прежь». Красноречивец бережно кладет тарелочку в скорей спуск к канату...

«От непривычки мускулы устали, ломат плечи, спину, но... вперед свободный шаг!»

нам отдам, успев выспаться. Цель близка, и после небольшого колебания вижу «чудошнее» уже почти в свой формат: подкладываете доски, ставите вылазокформу! — и пусть этот котел идет работу, которой уже давно жаут угощения. А мы гурыбой даем в комнату, «клуб» местной ячейки, обманутому плакатом, установленному выноскам, своей осмеленную, и после хорошо спетого «Интернационала» лакомимся чаем с «ромом» и даже «холодом». Гасим свет, устраиваем местным товарищам, как нельзя более кстати после нашей тяжелой работы. Братски прощаемся с товарищами и строим в колоннах — разды. Песни революции оглашают в ночной тишине сонную улицу, мерные звуки шагов вторят песням. «Смысл, товарищ, в ногу». «Вставай, проклятием заклеймяем!» — неслется на нас песня Интернационала и труд...

(На статье тов. А. Дагачева, выношенной в «Правде». Приводим в. И. Левина в брошюре «Бликая война».)



— Липочка! Липочка! Галя водрузила. Через опустевший зал бежал толстек в студенческой фуфурке с галлемым замком в руках. Опаркини сваявши его, и он, вырвавшись из их рук, радостно кричал: — Вот вам чмодал, Липочка! «Идиот», — подумала Галя. — Идиот... Но что же мне делать? Все погибло теперь.

И раньше же женщины, стоявшие рядом с ней, успели сообразить, что это ее чмодал, она закричала. — Что же мы смотрим? Ждем, пока подует? Пока наскалывает вину? И первая с востом кинулась в двери, отгладив художного солдата, испуганно тарачающего глазом из-под стального шлема.

Около вагонов была давка. Галя бросилась к паровозу и, сама увидявшие свои поступки, закричала манишница: — Давая руку! Скорее давай! Молодой манишник протянул руку, вставил ее на паровоз. Раздался свисток. — Поехали, поезжайте! — сказала Галя, и манишник, удаляясь хлопая ресницами, поволял руки на рычаги.

Галя забилась в грязный угол. Откуда-то сверху капала на нее вода. В спину дала ветер, бок обняла жаром от топки. Манишник был один на паровозе. На своето угла Галя выдела затылок манишника, токую его шее, широко, крепкие плечи. Чем-то напоминал он ей брата, только брат был старше, шире в кости, грубее.

«А что имену теперь скажу?» — думала Галя. — Может, меня на следующей же стамии снимут отсюда?.. Ей стало страшно. Она впроела рукой по тому месту, где были скрытаны «золотнички», и решила, что жавая она так не отстанет. «Ой, только б она меня не била...» — думала она. — Пусть лучше сразу распространиваю. Ей стало жаль себя, своей молодой жизни. Испомнилась брат. Как-то он вернулся после войны одним в конятуку, что свивала она у хохляк, на самом берегу Днепра?.. Вернется один, вздохнет и скажет: «Чет моего сестренка Галочка, одна в ступер на весь свет».

А может, он женится и все вспомнит даже свою сестреночку... И Галя заплакала. Потом подняла ресницы и увидела глазу манишника. Он смотрел на нее. Поезд шел через лес. Мимо паровоза пробегали железные деревья. Манишник поминал Галю пальцем к себе. Она с трудом вылезла из своего угла: онемели ноги. — Ты куда едешь? — спросил манишник. — Еду в иedaleко, — сказала Галя и назвала город. — Там у меня сестра двоюродная живет, замужняя... Проберяюсь я в Москва от



Галя сошла на темный перрон и долго стояла у паровоза, держа манишника за руку.

брата, а родители мои живут под Полтавою. Я у сестры побуду, потом поеду к ним. Манишник пытался посмотреть на Галю, и она, вырвавшись, дожидала. — Я так на стала чуть не убил немецкого офицера... Визла его стола пеленушку чуточку и ударила... Теперь меня, наверное, на стамии снимут с паровоза и расстреляют.

Манишник схватил бровя и, не глядя больше на Галю, сказал: — Номе никаких, хохляком на вину землю. Не расстреляют они тебя, не бойсь... А как тебе звать? — Липочка, — сказала Галя, и вдруг ей стало стыдно. — А дома меня Галя звали. Так почему-то все Галя и Галя... А по паспорту и Олимпиада.

— Галя лучше... — сказал манишник и вступил голышом, чтоб обрисовать упавшую на дуб прядь волос. — Но волосы прищипай к потному лбу. Галя впроявила ему волосы. Манишник усмехнулся и сказал: — А меня Ваня звать... Ты не бойсь. Я тебя спрычу и доведу... Война мою куртку, акройсь, что тебе спину не надую, и спи пока что.

— Галия вернулась на свое место и задернала. «Славной каюк!» — думала она в полусне. — А если б он знал, что я его обманываю? Разозлился бы. А он хороший. Так он никогда и не узнает, кто я такая.

Когда подезжала к стамии, манишник спрыгал Галя, потом, когда отскакала, она вылезла вся перепачканная и умывала водой из большого чайника. Манишник дал ей кусок хлеба с салом. Она съела его. Потом он навалил ей в кружку сливок, погладил по волосам и сказал: — Ты выпей... Продавать тут тебя ветром, как бы ты не заболела.

Галя вымыла. Перед станцией, на которой Галя должна была сойти, манишник спросил: — А жених у тебя есть, Галя? — Нету. — А сколько тебе лет? — Старая уже... Семидцатый. Манишник усмехнулся и сказал, что пусть



Гали живет пока у двоюродной сестры и в чем не думает, он сам скоро придет за ней и повезет ее к родителям.

— Манянку теперь куда хочешь, туда и вези. А по правде говоря, я поминую, во что изменился маняшество,— сказала она.— Ты запомни, где я живу. Живу я в Ковтове, около вокзала третьей дом. Фамилия — Левченко.

— Хорошо,— сказала Галя и почувствовала, что ей не хочется с ним расставаться.

С грустью сказала она ему домашний адрес, по которому он должен был искать ее у двоюродной сестры.

После прощания с ставшим Маняшкой все его так и тянуло, как бы отгиная момент разлуки. Прощали вполголоса, топили в стационной садовой, вполголоса.

— Прощай,— сказал маняшник вздыхая. Галя сошла на тротуар и дошло до стогола у паровоза, дернула маняшка за руку.

— Только не обижай меня, мое сердечко,— гоморал Ваня.— Я это же люблю. На улицу тогда поминаю; там ведьте чистенько пахнет, не дай бог тебе.

Галя пришла по адресу, который был ей известен. Худая старуха с грубыми руками стирала в корыте белье. Галя указала себя. Старуха, ничего не отвечая на галявыя вопросы, провела ее в маленькую комнату, где и был нужный Галяе человек.

— Ну, здравствуйте,— сказала Галя.— Приехала к вам в гости.

Она стала «молодиченько», выслушала то, что ей нужно было передать в Морозов, и вышла при этом губами, как на уроке в школе, логос сказала:

— Можно, у вас немного поспоздо?

— Конечно, и которому она присела, встал ее за руку и сказала ласково.

— Спасибо вам большое... Мы теперь установили связь и знаем, что нам делать. У нас как будто Галяе открылся.

Галя пошла на вокзал, а по дороге думала, что если б они с Ваней поехали, то кем бы им дорожью жилища в женской комнате. Дорога представлялась ей легкой, на этой дороге ничего с собой не делала. Но под сапог Унечей ее арестовали. Она так и не узнала никогда, то ли арестовали ее за кого-нибудь другого, то ли кто-то из нее узнала. Галдыньки привели ее в штаб. Офицер сказал, чтоб ее, Галяе сохрани, никто не смейти, не смей трогать, потому что ее повезут к большому камню в обиход на одну арестованную сестру милосердия.

— Ты не знаешь ведь меня большевистка,— упрямла Галя.— Не посылайте ни меня к вам на смерть... Они меня убьют. Мой отец — священник.

— Как не стыдно молодой девушке лгать,— сказала усталый офицер с подернувшимся потом и вдруг, что улыбающийся, дернула Галя за ухо.— Меньше и дайте отнес-сваивания!— крикнул ей.— Попробуй не марать!

— Что это он?— подумала Галя.— Пьяный? — Офицер ударил кулаком по столу и забормотал:

— Женишныя тут... Девочки тут... Всюду обман, грязь, измена.

Галя вышла в коридор и встала ждать. «Какже-то они сумасшедшие»,— подумала Галя и, увидев, что никто не следит за ней, подошла к двери. На дворе было уютно. К крыльцу была приношена лошадь. Галя вышла на крыльцо. За дверью была густая тень, и Галяе лес. Галя тихо сошла с крыльца и, подумав, что если она возьмет лошадь, то скорее спохватится, побоскала через востуху. Ничто не гнало за ней. Она добралась до опушки и ввдуть услышала выстрел. Стреляли по ней. «В лесу не поладит»,— подумала она.

Искрижания, она долго боскала через лес, спохватываясь, завала. Потом вышла к озери и опустила в воду свое усталое тело. Холодная вода освежала ее.

Стеновая топило.

Галя думала: «Где ты теперь, Ваня? Что ж ты меня не спасаешь?..» Ее трясла лошадка, она плохо понимала язык, где находилась, пыталась разговаривать с кем-то, везь. Под утом ее заснула и проснулась, когда услышала солдата. Голосом у нее была густая тень, губы потрепскались. Она пошла дальше, пока не вышла

на дорогу. Столбы, на которых были втиснуты проволки, вели куда-то, она шла по столбам. Шла она как во сне, встречала людей, сочинила им какие-то небывалы, хитрала, обманывала. Она шаталась, но не садилась, бось, что не сможет больше подняться. Дорога свернула к железнодорожному полотну. По насыпи шла поезда. Галя закричала и побежала, собирая последние силы. С поезда ее заметили, кто-то протянул ей руку, встал на вилки.

В Унече она пришла в штаб, спросила брат. Игнат выбежал к ней боскалый от волнения и радости.

— Ты же бывала Галочка!— сказал он.— Может, у тебя ты? Идем до нашего двора.

Галя пошла с ним.

На площади торговки с бегомашими черными глазами продавала бубонки.

— Кто они бубонки?— сказала Галя, как маленькая, потом спросила:— А где Шнег?

— Занятый он очень,— сказал Игнат.

— Ты ему скажи, что я вернулась,— сказала Галя.— Может, ему надо меня куда посылать.

— Хватит с тебя, неваздан!,— проворчал Игнат.— Одну встречу имеешь, так и ты ну коиза в глаза не видишь.

Игнат устроил Галяе в санитарный поезд. Ее увезли больницу, худенькую, острившую, как мальчика. Выздоровела, она осталась работать в поезде стрелку, переехала с фронта на фронт.

В двадцать втором году она вернулась в Киев, пришла к хозяйке, спросила, где Игнат. Хозяйка бросилась к ней на шею и сказала восхиленно:

— Ой, ты моя бидолака! Разве ж будет Игнат теперь в такой залуны жить? У него же теперь поезда. Цельная зала, и не конитца, на Крещатику... Я до него куда, пробирал?

— А он оченьзатый?— спросила Галя.

— Неожетый еще,— сказала хозяйка.— Пахнет он по тебе, убивает. Говорит: «Умиру, если не на твоюseite маме скажу, где наша Галочка!»

Галя пошла к Игнату и опять стала думать про маняшину, про которого все эти годы не забывала.

«Раз Игнат теперь не живет в комнате»,— думала она, раздумывая, ищет во знакомом уличном,— то мы бы с Ваней могли тут жить вполем. Поеду я к нему в Ковтове и, если он живой, скажу ему: «Здравствуй, Ваня, не забыл прислать!»

Игнату она не узнала, такой он был важный. Вель в коже, с большим кожаным портфелем. Он расспросил Галяе, где она была все эти годы, и сказал, что теперь ее все дороги открыты, но он советует ей учиться, потому что она очень бедная и способная.

— Все комсомольцы теперь идут на учебу,— сказал Игнат.

Галя ответила, что она согласна с ним, но раньше ей надо сдаться по делам в Ковтове.

— Какое дело?— спросила Галя, выходя.

В Ковтове она пришла рано и долго сидела на вокзале, дожидаясь утра. Зала была уже пубриная, в буфете продавали чай и пироги с картошкой.

Кто-то стрелка показала деить часам. Галя вышла на привокзальную улицу, отсчитала третий дом и вошла во двор. Молодая рыжая женщина корчила во ястре.

— Иван Левченко тут живет?— спросила.

— Тут,— ответила женщина и шагнула к Галяе.

Курь разлетелась во все стороны.

— А где он?— спросила Галя.

— Уехал с поезде!...— сказала женщина.— А на что он вам?

— Суди, но Галяе сказала, она спросила:— Имя Левченко тут живет?

— Тут,— ответила женщина и шагнула к Галяе.

Галя посмотрела на ее затертые руки и молотило белую шнур, выглаженную из воротца вышитой рубашки, и сказала:

— Скажете ему, что забыла Галя. Он знает... Скажете, не могла раньше зйти, некогда было.

И она пошла к клетке, не слушая, что кричала ей вслед жила Ваня.

## СТРАНИЦЫ НАШЕЙ БИОГРАФИИ



В октябре 1922 года в Унече Революционного комсомольского комитета молодежи было принято решение комсомола на Крымском Военно-Морском Флоте.

Ленинско-Сталинский комсомола вошла тысяча лучших солдат флота в Крымский Военно-Морской Флот. Под руководством партии Ленин-Сталина, при участии комсомола была восстановлена выделена Ленинско-Сталинского комсомола — шифра и друта Военно-Морского Флота.

Здесь мы печатая комсомольца полководца комсомола тов. П. Кузьмина, «старого комсомольца, предшественника флота в 1922 году.

### Комсомольцы первого флота в Черноморском флоте

Полководец комсомола П. Кузьмин

Это было в феврале 1922 года. Тысячи комсомольцев пришли на Черноморский флот. Среди них был и я, комсомолец ростовской организации. Мы пришли на флот после разгрома Врангеля. Часть старого флота была зачислена в Новороссийске, а главные силы были уведены Врангелем в Бизерту. Началась строительство нового флота.

Сначала мы прошли строевое обучение в Севастопольском флотском экипаже. После этого были распределены по военно-морским школам. Я пошел в радиотелеграфную. Собственно, это было не школа, а только здание, в котором надо было создать все необходимое для обучения радиотелеграфному делу. Одновременно с изучением специальности мы сами приходилось оборудовать кабинеты.

Пришла на флота комсомольцами вылезлась за ремонт, за восстановление боееспособности флота, за практическое овладение морской техникой. Крейсер «Комсомолец» был введен в строй буквально руками комсомольцев. Коммунисты и комсомольцы сумели крепко сплотить весь личный состав флота вокруг партии и советской власти.

Черноморский флот в 1923 году, впервые после революции, смог совершить большой поход по портам Кавказского побережья. Характерно, что в этом походе (а дальше он долго, и участвовал в нем весь Черноморский флот) не было ни одного случая «скажения» механизмов без службы, работали образцово.

Я был радиотелеграфистом подводной лодки «Полтврщик». На лодке тогда работало только два радиотелеграфиста, и нам приходилось нести вахту по 12 часов в сутках. Связь работала бесперебойно.

# СЫН

Рассказ

Когда Павел Ильич Бондарев вышел из дома Казанского вокзала в передек площади, в автобусной очереди он увидел женщину лет тридцати пяти. Лицо ее оказалось ему знакомым. И, как часто бывает, посмотрев друг на друга притялочно, они улыбнулись и каждый про себя стал вспоминать, где встречались раньше.

— Павел,— сказала вдруг женщина и порывисто обняла его.

Он сконфузился и как-то нервно подергал ее в плечо, хотя еще не припомнил, кто она такая.

Девятнадцать лет назад оба они работали на заводе «Изма», Дворов и Набокова и сошлись в одной комсомольской ячейке. Теперь Бондарев приехал из Ташкента в НКПС по служебным делам. На нем была железнодорожниковская форма. Он был волос, лысочкой.

После нескольких минут молчаливого взгляда Павел Ильич завел ее адрес и обещал зайти вечером.

Когда в парикоме кончилось заседание, он скопид в банк, долго, с удовольствием пылав в бассейне, потом занес бирфель с билетом в гостиный и медленно побрел по Мокшовой улице к новому дому, где жила Ксения Михайловна. По дороге он перебрал в памяти события тех лет...

На последние его обогнали трое молодых людей в белых костюмах: они о чем-то весело и возбужденно говорили. И когда си вошел в квартиру, то опять увидел их в передек.

— Варенька, варенька, мама, вареньки! — кричал высокий парень Ксения Михайловне. — Умная, туфли! — он расстался ногой дверь комнаты и, низко поклонившись, широким театральным жестом пригласил товарищей: — Малость проходу студентов Московского ушмерсител!

Ребята, с шутовской переносностью отогчая на поклон, вошли в комнату.

— А мне можно? — в тон им, заравневшись общию весельем, спросил Павел Ильич и прощлся за студентами.

Ксения Михайловна быстро поздоровалась с ним и крикнула:

— Очень, очень кстати, Павел, старая и молодая гадарда! — все в сборе. Угадай, который из них мой?

— Мама, мы слепим. Товарищ продолжает,— сказала высокой загорелый парень, обнявшись с Бондаревым — Вы нас вините, пожалуйста, мы только и шлоле чремываем. Через полчаса в школе начнется прощальный вечер.

Не дожидаясь ответа, Николай в товарищи усаживая за стол и с таким аветством прихвывая за вареньем, что Павлу Ильичу захотелось есть.

— Вы там сами,— сказала Ксения Михайловна,— у нас разговоры.

Потом она доверительно выклочилась к Павлу Ильичу и спросила:

— Похож?

— Очень похож,— ответил Павел Ильич.

Николай и в самом деле напоминал ему кого-то, но кого, он никак не мог вспомнить.

— Все предметы слай! — и потом еще долго полупонимая, оглаживалась с Бондаревым о сие.

Ксения есть, молодое зелье, но прерывая своих разговоры, взорочид теснула руку Бондарева, ушла, и потом еще долго через окно были слышны ее голоса с улицы.

— Ну, а теперь наша очередь. Присаживайся к столу,— Ксения Михайловна вставала на стол бутылку вина.

Он усаживая друг против друга и долго молчал. То ли говорить ему было не о чем, то ли наступившая после ухода студентов тишина «обла» ка.

Павел Ильич вынул старую ваяку, вытер губы и стал разглядывать фотографию на стене, желтую, со множеством дырочек от клопов по уголкам.

— Соправна?

На фотографии около серой, замшистой стены цела стояли и сидели молодые люди в кепках, пиджаках и солдатских фуражках с оторванными кокардами. Лица их были напряжены — и не потому, что они свитерлы в аирпарат. Все было вооружено. На круглых будильниках заводского зжора полуживала девушка с пу.метом перед грудью.

— С того времени я тебя первого встретил,— сказала Ксения Михайловна.— Вот как ушла тогда, я и не выжала никого из отряда. Я и Володя не выжили и не слышала о нем ничего,— тако добивала она и открывала.

Ксения Михайловна подошла к будильнику, завела его, в Бондарев наклонил голову и с презрительным выжианием прихвывая скоблить ногтем пятаю на брызгах. Он чувствовал себя виновато. Он думал, теперь, стоило ли начинать этот разговор. Прошло девятнадцать лет... «Мы же тогда были совсем другими. Разве они, семидесятилетняя девочка, могла по-настоящему отвечать за свои поступки?»

— Так вот, Павел, а тут не при чем,— с удивлением сказала она,— если уж кого и выжила,— Ксения Михайловна улыбнулась,— то выжила надо Панаратова. Помнишь Панаратова? Все говорили: «Панар-и-малютка»... Так вот Панаратова...

— Как же, помню, у него один глаз с большим бл.— Длсидельная, лгачи-малютка! — и



Освободив место на столе, она начала выкладывать на скатерть странные предметы...

Павел поднял ваяку, как это делал в последнее время дитячий Панаратов.

— Было мне после очень плохо, очень муторно. Но Володя на слуху, но один, и вы, черты, будто похорошила меня: на дахи не написал. Может быть, вы и обиделись, но я на вас не обиде... Вот, если серьезно, Павел,— Ксения Михайловна всем телом легла на диван и выключилась через стол к Павлу Ильичу.— Если серьезно говорить, человек много помнит. И я все помню, и ты все помнишь. Мы тогда должны были собраться к восьмидесяти часам на Каланчевскую. У меня все было готово: корзинка, володыни сапоги ваяла у дяди Петра из поножки. А тут вдруг приходит, помнишь, этот багстраский паренек из лаборатория и говорит, что сейчас экстренное комсомольское бюро, Панаратов вызывает...

— Глушится! — перебрала Ксения, вдруг рассердившись. Бондарев.— Бюро, бюрок! Какое это теперь может быть значенье? Тогда выжила на заседание, и ты обошла на фронт... Ты лучше, Ксения, расскажи, как живешь. Я совсем забыл спросить, как ты теперь живешь...

— Ты говоришь — глушится? А потом, знаешь что,— Ксения Михайловна засмеялась,— то удивительно неабидителен... Как живу? Вот так и живу.

Ксения Михайловна пошла, что Павел Ильич хотел переменить тему разговора. Но в памяти ее теперь воскрес весь этот день со всеми его страстями, волнениями — весь день в мельчайших деталях.

Ксения Михайловна подошла к комоду, выдвинула нижний ящик, и Бондарев увидел ажурно сложное мужское белье, трусики и майку со значками спортивного общества. Тут он подумал, что женщина есть женщина и вот как с возрастом меняется люди. Сказки кому-то выжила про нее, что семидесяти лет она широковала по Большой Татарской с парнями, танцвала за собой тяжелой стальной пулемет и не хотела, чтобы ей помогали. Теперь она довольно толстая женщина, хлостоватая, зареяне ярост...

Ксения Михайловна запустила руку глубоко под белье и вытаскала сверток в шерстяном футляре. Она села, положила его себе на колени и торопылима движением стала разворачивать.

Освободив место на столе, она начала выкладывать на скатерть странные предметы. Павел Ильич увидел кусочек старенькой клеенки с номером, написанным чернильным карандашом; к клеенке была прихвывая веревочка.

— Что это? — спросил Павел Ильич.

— У тебя дети есть?

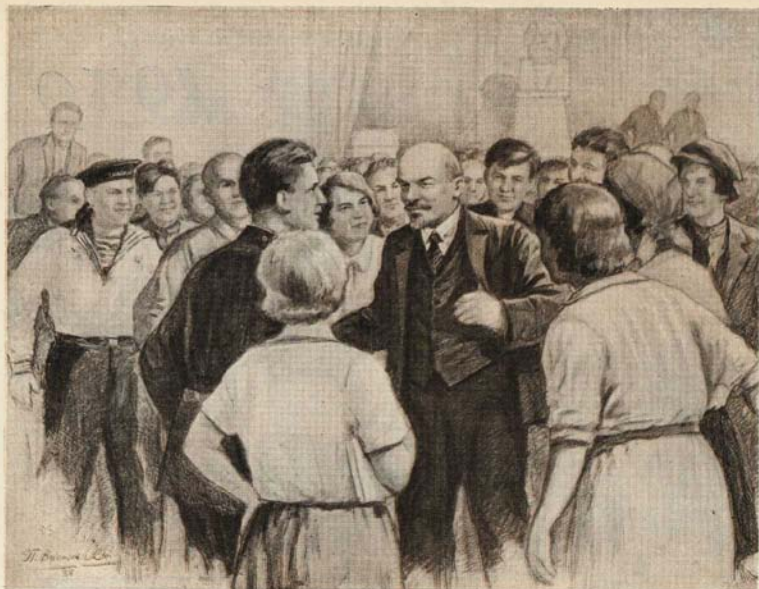
— У солтыши.

— Значит, необразованным! — улыбнулась она. — Это первый документ сына. Номер в родильном доме на окошке привинчивают, чтобы не стурели.

Потом она поджала и показала Бондареву какой-то медный шар с грубой деревянной ручкой, потрсила из.

— Панаратов сделал!

И еще много мелких предметов она выложила на стол: расквашеную, фотографию младенца, сидящего на фоне какого-то кружевного занавеса; маленькая соска; медная, правая нога, старенькая речетца с орлами, в средии них маленькая красивая фляжочка с надписью «Г. Мах».



П. Васильев.

В. И. Ленин среди молодежи.

Павел Ильич с веселым недоумением разглядывал все это, осторожно взял потемневшую от времени погрешку и с улыбкой во взгляде:

— Хороший был старик Панкратов, мудрый старик!

«А все-таки к чему она все это вымолила?» — подумал он.

Ксения Михайловна рассказывала в платке желтую бумажку, сложенную вчетверо. Она развернула ее, и Павел Ильич увидел знакомую старинную раскладу с медалями: «Добро и Насколько», Медальное общество. Очень давно он не видел таких бумажек. Смыслила как-то: 1938 год, и адрут снова «Добро и Насколько». Он протянул руку за бумажкой.

Ксения Михайловна изволительно сказала:

— Так вот я тогда подумала: ехать или нет? Панкратов знал, что я должна ехать с ребятами на фронт. Он все знал о нас, этот старик. Времени оставалось меньше двух часов, но если Панкратов жовст, надо слушаться. Я пришла, а у него уже сидят и Маша Ложкина, и Федя Сырмятин, и еще этот, как его, из детейной... — Ксения Михайловна разволновалась.

Бондарев поднял руку. Ксения Михайловна перестала говорить. Он отодвинул от себя тарелку, осторожно разгладил на столе шаровую ладонью бумажку и медленно, вкашывая головой, проглотил вслух:

#### «ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ БЮРО ЯЧЕЙКИ РКСМ ЗАВОДА «ЗАРЯ РЕВОЛЮЦИИ»

Слушали:

Об отправлении на фронт члена РКСМ тов. Ксении Перепелициной.

Постановили:

Ксению Перепелициной, как беременной, на фронт не ехать, а как говорит партийный прикрасленный тов. Панкратов, рожать. Мирской революция нужна пролетарские дети.

С подлинным верно: Ф. Сырмятин.

19-ХІ 1919 года.

3-й год пролетарской революции.

Кончив читать, Бондарев продолжал задумчиво смотреть на бумажку.

Ксения Михайловна торопливо загвордела:

— «Как же так, товарищ Панкратов?» — сказала я старикку. — Ребята ведь меня ждут, створялись в восемь быть на Калининск. Сама и все это начала. Я же пулеметчица!.. И Володя меня ждет. Что он обо мне скажет! Я ему ничего про ребенка не говорила. Ведь это стыд какой, в такое решительное время...»

Панкратов тогда взял меня за руку и повел. Ребяткам он сказал: «Довольно, птички-малютки, товарищ Перепелицина остается в Москве». Он мне еще много говорил про детей, я плохо слушала и думала, что им там, на вокзале, уже собрались, ждете и, может быть, без меня не знаете, что делать. Какой же пулеметный отряд без пулеметчика?»

— Когда погружались, — медленно сказал Павел Ильич, — очень адо про тебя говорили: «Мамылына не пустела...»

— От Панкратова я освободилась и побежала на Пятизвучку. Трамвай, ты поминишь, какие были! Я ехала, ехала и, наконец, в трамвае этой перекупила больше чем за всю жизнь... Ведь девочка — диточка в косях. И получилась для меня, что крутом правы: и Панкратов прав, и тетя Серафима права, и соседка моя тоже, чувствую, права...»

Степанила, Небо как крышная домов стало фиолетовым, и воронь пролетела с бесполовым криком к Александровскому саду. Павел Ильич поднялся, на вымочка подошел к выключателю...

— Рассказывай, рассказывай, — сказал он и тронул Ксению Михайловну за плечо.

Потом выключил свет и вернулся на свое место. Теперь он слушал ее с бесполовым вниманием как человека, которому все это близко и дорого. И Ксения Михайловна продолжала так же изволительно:

# 1930



## ПЯТИЛЕТКУ В ЧЕТЫРЕ ГОДА

«Летом текущего года на Магнитогорье ощущался голод в рабочих. Один приезжал, и буквально столько же уезжало обратно. Партийная организация решила построить плотину до зимы. Решено было: «Плотина должна быть построена 10 ноября, так как должна быть вода всех участков строительства» (из воззвания парткома). Американцы давали на строительство 156 дней, ее же построили в 70 дней. В этой борьбе за плотину показали себе молодцами ударники Захаров, Пластинкин и другие. В артели земляк Солоньев был бунт. Они шли котлованы в реку Урал. Песок-текуи съезжали с долами, вода была в ноги. Бунты и наиболее слабые землекопы грозили уйти. Солоньев удержал их тем, что сказал, что не

уйдет из котлована, пока все не кончит. На вечере ударников он сказал об этом породе: «Омония свое обещание за выполнение пятилетия в четыре года, мы решили добросовестно строить мирной пятилетки. Это было обещание, было изменить слову. Я решил работать и уговорил артель...»

Большой интерес представляет себе бригады плотников. Ею руководит молодой рабочий Пластинкин. Большакино в бригаде — старики. Среди них и отец молодого Пластинкина.

Пластинкин-отец рассказывал о борьбе бригады, которой руководил его сын: «Из Тюменского округа приехали сюда два стариковца и сын мой тот, Пластинкин, бригадир. Мы — старые рабочие. Нам в старое время толкали работать, в здесь — как свое решил — не сдаться. Сам или Пластинкин, как бригадир, уйдет во дела, а артели нужно спорить. Были случаи, когда хотели бросить работу. Я высклакивался: с точки партийной надо не спорить, а работать. Бригадир Пластинкин (сын) отдал приказание, и мы вышли артели Смаинова. Другой раз всталала жонит вод котлами, вестер крепели, но держались крепко. Стремлясь мы одним духом работать».

Много страниц героизма вписали молодые комсомольцы в книгу борьбы на фронте социалистического строительства... (Из речи Л. М. Калашникова на IX всесоюзном съезде ВЛКСМ).

— Из Казанской вокзалом все с выношками и девками много, все поют, кричат, строятся по своим отрядам, а нас нет. Дежурный объявил, что уже отпраздник четыре милозона. Домой я пришла ночью. Салона промолчал, ватерда воду, шивала казавто пристала на Доминковке... Утром соседка постучала, а мне изюта никуда. «Идите, — говорю, — и сегодня на завод не пойду». Потом тетя Серафима пришла. «Правильно, — говорит, — пора, а то передеграть. Сейчас я за ней сбегу...». А я и алычу. «Не плачь, — говорит, — голубушка. Чем годны мавться, лучше раз — и все! А она женщина смитная... И что за ребенок без отпристалки, Павел, он уже недели две не делал, чтобы и аборт сдала. Я даже с ними согласилась. А потом все как-то дела, с утра на заводе, а потом в палеатимном кружке. Да и Володя на письмо ничего не ответил... Тетка Серафима привела какую-то женщину в мерном — монахиня. Соседка дала керосинку и таз. А у меня такая апатия... Я лежу, думаю: «Пускай, так, наверное, и надо: гражданская война. Я сейчас вроде дезертир, вот сделал...» и долгом ребе в Орлеан... А старики шепчут, какие-то железки разложили, поставили на огонь таз, шепчутся... Монахиня подошла к кровати, села на стул и говорит: «Юг, баринка, нева теперь так:а: мизи — десять фунтов, или карточку мне отдашь на иези, сельдей — пять штук, и не торгуйся!» Я закрыла глаза: олеял противно стало. Спалю тетя Серафима шепчет: «Ты, митуня, не беспокойся, я сама отведу, она мне как дочь родная...»

Ксения Михайловна встала, подошла к окну, рассвело образовало засветилась лентой с цветка в горшке. Бондарев приблизился к ней, позволил листки на подоконник.

— Чудно мне теперь, Павел, и нелепо. Будто рассказываю не о себе... Стриду все приговорила, а тут пришла Панкратов. Я ухватилась, отвернулась и заплакала... Когда успокоилась, открыла глаза, — уже вечер, на стене красное солнце. Очень тихо в комнате. У окна стоит Панкратов и курит в фоточку, а Павел, поминаясь, строгает газетку. И легко у меня стало на душе! Хороший какой человек!.. Рожать меня вошла Мария Федоровна, жена Панкратова, и прожила я потом у них больше двух лет. Когда они и сейчас считают сына жуком... И вот вырос...

Ксения Михайловна замолчала и взглянула в лицо Павлу Ильичу, но тут же отвернулась и стала смотреть в окно. Володя ее слегка ласкал ветер. Маленькую седую прядь ветер забросил назад и обмяк уху.

— Да, итичи-малютки... — сказала, растопившая слова, Бондарев. — Жили были два товарища...

Он подумал, что вот Ксения за весь вечер на разу не спросила о Владимире и он тоже избегал говорить о нем. «Быть может, она боится узнать правду?»

Бондарев волокну руку на плечо Ксении Михайловны:

— Ты спрашивала, Ксения, похож ли? Очень похож!

Теперь Бондарев отчетливо изобразил высокую, костлявую фигуру Владимира. В последний раз он видел его в полевом госпитале возле Каховки. Голова его была перевязана, сквозь бинт просвечивалась кровь. Владимир бредил. Он так и умер, не приходя в сознание. Его голову весь плах...

Внизу тяжело хлопнула дверь парадной, и они услышали, как кто-то избегает по лестнице.

Ксения Михайловна подошла к столу, повсвешно стала собирать ребячий мелоч и сложила протокол.

Павел Ильич понял ее намерение и серьезно сказал:

— Оставь, Ксения! Сан твой — взрослый человек, он должен понимать все. Мы в его возрасте, к сожалению, не все понимали и не обо всем догадывались. Пусть прочтет и подумает.



В борьбе за коллективизацию сельского хозяйства, за ликвидацию кулачества как класса Ленинско-Сталинский комсомол показал себя достойным и верным помощником большевистской партии. Год «великого передела» был ознаменован массовым комсомольским походом «за урожай и коллективизацию». Салани комсомольцев в этот период было создано больше 5 тысяч коллективов.

К весне 1930 года на колхозных полях работало больше 550 тысяч человек ВЛКСМ. На работу севотводами в колхозы было мобилизовано 20 тысяч комсомольцев. 500 руководящих комсомольских работников из городов были направлены для укрепления сельских комсомольских организаций.

На снимке: с конвейера Сталинградского тракторного завода скондит 5-тысячный трактор (1930 год).

# ПАШКА

— Вставал 33-й год.  
Февраль. И дождь, промерзновения, колдун.  
В райконе бумажку дадут. И вот  
Качайся со станки на двухколесе.  
Затем сельсовет, где четыре плаката,  
Где ноябрь лампа конит на простенке.  
К олимпиаде соберутся ребята,  
И нужно ходить по кулацким хатам,  
Какая фольга.  
И громады тени.  
И дурной хозяин в рубашке лыжиной  
Доказывать будет, глазами преча,  
Слова несмазаным голосом,  
валым,  
Что «дурной издевал хлаба не бичива».  
(Вилей, мой бывший хозяин,  
кол,  
Но мы непреклонны,  
И это расплата  
За слезы сестер,  
Нездором зема,  
За муку отца,  
убитого в палатке.)  
И мы найдем семена (добыты  
Нашим горбом на чужой пахоту),  
И мы откапав под сапой ракетной  
Сто двадцать пудов настоящего злата.  
Пойните: 2000 нужных кило  
Звонящего бронзой, почти литого!  
Мы будем званты:  
— Алао!

— Алао...  
— «Ленинский пацок» до сибиря готовый.  
А Пашка уйдет в МТС начет такти,  
Насчет зачистей...  
Эх, ты, ночь непролазная!  
Ребята, постой! Где же наш работяга?  
...Он-ты ветука?  
Почему он запаздывает?  
Ему бы послать... Молчащны и строги  
Начнем одеваться. Нанстречу войдем мы.  
— И только к утру  
найдем у дороги  
Имазаным кровью и черноземом.  
Далекие годы. Нет, близкие годы.  
Не скроем,  
Раскажем о самом тяжелом.  
Мы шли, заваленные, сквозь неголого  
Для дела,  
воспитанные комсомолом.  
Кулацкая запала нам были в спину,  
Мы тверд и сплюснел работал парол.  
Залаа вель партия  
волей единой.  
И мертвые тоже  
звали вперед.  
И мы проходили упрямой рядкой —  
Республика  
дочери в слюва...  
...Комбайны, вперед!  
Трехтонка, направо!

И снова  
машины пошли сплывать.  
Ах, встал бы сейчас (уловатый и плотный,  
Такой, как в фальшубе — в вытертой робе)...  
Какие дела! И какая работа!  
А солнце! А воздух — дохла-ка, попробуй!  
Легит самолеты на болоте пшеницы,  
Плывут теплоходы на звездах стазима.  
Вот кончат уборку, и выйдут, попятно,  
Лезачи и лшоты повеселиться.  
Ровесника, пойте!  
Нанпеленяйся вдоволь —  
Завалили.  
И ветер ночной этии ты  
С чужой стороны —  
прямо к нашему дому —  
Ты чужой? — доносится горечь шипения.  
Война подползала.  
Но есть ла грошеи, чем бессмертная  
ненависть наша?  
Нас будет вести нарком Ворошилов,  
Наш Сталин  
дорогу к победе укажет.  
Когда же  
в атаку  
По сплотившим нашим,  
Прончимся  
Скавоз вой,  
скавоз посымы ширинне,  
То вспомните Пашку, родимого Пашку,  
Веселого Пашку,  
демяню укрытого.

## СТРАНИЦЫ НАШЕЙ БИОГРАФИИ

### ТАК РОДИЛСЯ ТЕХЭКЗАМЕН

В марте 1933 года под Свердловском, на только что построенном Уральском заводе тяжелого машиностроения, возникла идея технического экзамена.

3 марта, в 4 часа 15 минут, в целомом комитете механического цеха № 1 сдвинули к стене столы и поставили черную классную доску. Посреди комнаты, за столом, уселась экзаменационная бригада: старший мастер строгального участка, представитель «Организтала» и инструктор.

Первым сдала теоретическую часть экзамена комсомольский организатор Суханов. Он подошел к столу комиссии. Инженер спросил его:

— Как подсчитать время, необходимое на строжку детали?  
Суханов отвечал глухо, неуверенно. За ним теснились толпы ребят, переполнивших комнату. В тот обделенный уральский вечер никому, поинтию, в голову не могла прийти мысль, что подобное начало большому важному делу — техэкзамину. Просто Суханов инвердо знал расчеты времени на обработку,



Сдача государственного на швейной фабрике в Харлаво (1933 год).

и ему надо было поддаться. Грачев не ушел пользоваться индикатором. Большаков ничего не смыслил в теории резания, хотя и работал по шестому разряду. Их строго экзаменовали. Больше всего спрашивал инженер. Мастер что-то замешивал в блокнот. Так родился техэкзамин.

И вскоре почин уральчанцев широко подматили другие заводы. Школа «Итга» отделилась первой. Ленинградский завод имени Карла Маркса устроил общественно-технический экзамен для всех рабочих. Затем подматили инвентаризатор Урала Ротосельман, «Шалитуркозапашнино», ГАЗ: «Читали

об инициативе Уральчан. Одобрили. Готовимся к социалистическому техэкзамину!»

Слова такие молчаливо советских граждан отправлялись в поход за техническими знаниями, памятью слова товарища Сталина!

«В период первой пятилетки мы сумели организовать энтузиазм, паросового строительства и добились респектабельных успехов. Это очень хорошо. Но теперь этого недостаточно. Теперь это дело «должны мы докончить энтузиазмом, паросовыми и новой техникой, серьезным поднятием производительности труда, серьезным сокращением себестоимости».

Начатый комсомолом технический экзамен приобретает все больший и больший размах в стране, создавая базу для быстрого роста новых кадров производственно-технической интеллигенции.





**ДА ЗДРАВСТВУЕТ СО**



**ЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ!**

**И. СТАЛИН**



Прекрасные образцы бесстрашия, самоотверженности, доблести показали во время боев в районе озера Хасан бойцы с этой долой! именов победили они обязательных японских захватчиков, испытанных на себе грозную силу советского оружия.

Здесь мы печатаем боевые заметки, взятые нами преимущественно из краснойпрессы газеты 1-й Отдельной Краснознаменной Армии «На защиту родины». Авторы корреспонденции — бойцы, командиры и полкратовники — участники боев в районе озера Хасан. Каждая строка этих корреспонденций пропитана горячим любовью к матери-родине, к товарищу Сталину.

— Когда японские самураи осмелились напасть на советскую мирную землю, то тысячи бойцов-сапорогов совершили величайшую подвиг — в один толчок завладели:

— Мы готовы идти в бой за свою родину! Не будет полагать омерзительным псам — прокураторам войны!

В борьбе за социалистическую родину бойцы, командиры и полкратовники — дальневосточники показали высокую боевую готовность, преданность коммунистической партии большевиков.

Сотни бойцов, идя в бой, подавали заявления в Красную партию, в которых писали: «Если мы не вернемся, считайте нас коммунистами».

Такое заявление подали комсомолец командир танков тов. Кузнецов, отстреливаясь на вылопение боевого здания.

До первых ударов засевших самураев осталось несколько десятков метров. Командир взвода тов. Кузнецов метким огнем из пушки уничтожил огневые точки противника. Танк подходит к длинному окопу. В нем волею самураев. Кузнецов отчетливо видит их.

Из окопа летят на танк гранаты, но они бесследны: так и не взорвались.

Один за другим посылаются в окоп три снаряда. Заваливая самураи как бешеные собаки, залегли на дно окопа.

Открываю по окопу огонь из пулемета, — рассказывает Кузнецов, — смотрю: самураи пошли на смерть: наблюдаю за разворотом башни. Когда выровнялась башня на правую сторону окопа, самураи здесь ложатся, а следы поднимаются и бросают в танк гранаты и стреляют из пулеметов. Ну, думаю, гад, сейчас и мне проучу!

Медленно разворачиваю башню вправо, наблюдаю за левой стороной. Выжу: выскочили самураи — резко разворачиваю башню влево и подаю огонь из пулеметов огнем. Сами самураи и не стали показываться. Танк с огнем идет по окопу, давая своей тяжестью перепуганных захватчиков.

ПУЛЕМЕТЧИКИ

— Ни одна из пуль не пропала даром: все они косили неизвестных японцев. Трехматра воев комсомолец Тараторин захватил склад высотой, выбрав захватчиков с земли советской. Японцы подползали ближе, и храбрый пулеметчик был ранен вражеской пулей. Но он не покинул поля сражения и продолжал вести беспрепятственно все истребляющий огонь. Спокойный и уверенный в своей силе, он сказал товарищам:

— Смотрите: я буду бить японцев по ногам, а попадать по головам.

И действительно было так. Подступы к выкопте были завалены трупами, а враги все лежали и лежали. Тараторин назвал бригаду пулеметчиков в колонии наступления. Пришел захватчиков, спускался от огня, выскользнула туловища, и пули Тараторина разили их по головам.

Взбежавшие японцы, заметив стеновой пулемет, начали забрасывать его ружьями гранатами. Но пулеметчик сдалека не уступил. Тараторин отвечал ураганом огня. Осложил вражеской гранаты тяжело ранил пулеметчика второй раз, и некоторые время герой — в бесчувственном состоянии. Но храброе сердце немедленно шло вперед: врага до конца, и славный пограничник несравнимым усилием воли снова собрал силы и обрывает жесткой рукой на японцев.

ТАНИКСТЫ

— Комсомолец-танкист Алексей Селин, перед боем подавший заявление о приеме его в кандидаты партии, получив задание повести танк на высоту.

— Я обрадовался званию коммуниста, — сказал Селин.

Танк двинулся вперед. Орудийный огонь кричал огневые точки противника, уничтожал прокураторов. Но неожиданно бронянная граната остановила танк. Экипаж очутился в окружении японцев. Алексей Селин быстро принял решение. Открыл люк, с гранатами наготове, он вместе с командой бросился на японцев. Схватка была почти рукопашной. Селин и его товарищи дрались, сколько звало сил. Получив тяжелое ранение, Алексей Селин продолжал героически защищать советскую землю.

Только тогда, когда противник был уничтожен, Селин унесла товарищи.

Алексей Селин — отличный командир. В атаку он ходил всегда первым в дием и ночью. Перед боем на озере Хасан Селин пода докладывал об оставлении его на повременную службу в рядах Красной Армии.

\*\*\*

— Экипаж, которым командовал орденносец-комсомолец Коренев, несколько раз врывался в расположение противника. Грозна машина сокрушила врага на каждом шагу. Но вот танк добит. Это великого обидает японцев, и они трусливо начинают издольвать и подбитой машине. Они полагают, что танк неспособен, но ошибаются. Машина побита, но неколебимый верный сын ленинского комсомола Коренев. Он мужественно продолжает уничтожать врагов. Командир подполковника, видя, что обязательный враг насадет, послал к героическому экипажу разведчика с приказом оставить танк. Но Коренев хладнокровно ответил:

— Я до тех пор не покину машину, пока не израсходую все боеприпасы.

И он продолжал поить врагов убийственным огнем. Много пошло из его метких выстрелов.

\*\*\*

— На рассвете танк под командой комсомольца Барабанова получил задание прорвать проводное заграждение самураев и уничтожить их огневые точки на советской территории. Машина тов. Барабанова была встречена ураганом артиллерийским огнем со стороны японцев. По танку они выстрелили более 15

снарядов, но грозная машина Барабанова шла вперед. Она до второй была уничтожена огнем тов. самураев. Под огнем танка самурайские багдаты бежали, а докопимы им летели меткие пули танкистов.

Вдруг тяжелый танк застрял в болоте. Самураи, как мухи, забросались на окопчугу, но их надежды не оправдались: едла они подошли близко к танку, как длинная лента, выпущенная из пулемета, скопился десяток людей. Налетчики бросались назад. По танку начал вестись огонь со всех сторон арталлерии. Видно, некоторым из самураев удалось подползти к танку и зажечь керосиновые катки.

— Нет, гады, не сдадимся! — крикнул Барабанов.

Минувшего он вымырнул из машины, в упор выстрелил в трех самураев, находившихся около танка, а сам стал тушить машину.

На помощь Барабанову подошел башенный стрелок комсомолец Шакирзян.

— Куда? — спросил командир.

— Вместе выйдуте боевую залуцу, вместе, если надо, будем умирать за родину, — спокойно ответил Шакирзян.

Через несколько минут горючий танк был введен в строй и снова двинулся вперед, на противника. Прямоуго глазом к телескопическому прицелу, Шакирзян тщательно аяла на прицел противотанковую пушку противника. Умом монит, он начал вельды сбукса. Несколько очередей — и противотанковое орудие противника, а вместе с ним самураи разлетелись вдребезга.

— Ни одна из пуль не пропала даром: все они косили неизвестных японцев. Трехматра воев комсомолец Тараторин захватил склад высотой, выбрав захватчиков с земли советской. Японцы подползали ближе, и храбрый пулеметчик был ранен вражеской пулей. Но он не покинул поля сражения и продолжал вести беспрепятственно все истребляющий огонь. Спокойный и уверенный в своей силе, он сказал товарищам:

— Смотрите: я буду бить японцев по ногам, а попадать по головам.

И действительно было так. Подступы к выкопте были завалены трупами, а враги все ле-



Разгрённые бомбиты бросали в хвостовую часть гранаты. Таратори вместе с пулеметом был отброшен в сторону...

Пограничники всегда будут хранить в сердцах героический образ бесстрашного пулеметчика Александра Таратори. Они всегда и при любом случае будут бесновидно смиряться врагом...

... — В ответ на провокацию самураев и подлая завязывание в лесной комсомол. Как только вступил в бой, до последней капли крови буду драться с самураями, — так заявила на мигните в подразделении пулеметчик тов. Костышев. Свои слова он оправдал. Расчеты пулеметного огня тов. Костышев выдержала подразделением, шедшее в атаку. Метким огнём его пулемет напала коса самураев.

Младший командир взвода комсомолов тов. Суминов 4 раза бросался в атаку и несмотря на ураганный огонь, подползал в осыпав противника и забрасывал его гранатами.

Младший командир взвода комсомолов тов. Трегов, вступивший в комсомол накануне боя и будучи раненым в одной из атак, чтобы уничтожить еще больше врагов.

Красноармеец Родинов, лучший комсомолец, дрался до последней капли крови. Ему разбило правую ногу, но он не прекращал вести огонь по самураям.

... Подразделение, где полпуток тов. Гусев, гордится своим отважным пулеметчиком комсомолом Гальновым. За несколько дней тов. Гальнов вывел из строя больше 10 японских пулеметных гнезд и полностью уничтожил 2 японских оружейных расчета. Гальнов получил 2 ранения. Ему предлагали уйти в лазарет. Он отказывается. «Я, — говорит, — выведу не поеду, и сын Родинов и буду до последней капли крови защищать ее».

### КОМАНДИР КОМСОМОЛЬСКОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

... С наступлением сумерек из правого окопа противника начал стрелять пулемет. Пуля его порадила флаг на наступающих. Лейтенант Гальнов принимает быстрые решения. Он немедленно подползает к своему окопу. Глубокая воронка от снаряда снаряда превратилась местом укрытия. Здесь у него сорвался план — уничтожить пулеметный расчет противника, не дать ему возможность вести огонь по наступающим. Свой план он осуществил с изумительным хладнокровием и выдержкой. Осторожно высовываясь из воронки, он увидел, что японский пулемет недалеко. Два метка выстрела из пистолета — и номера убиты. Другие уже боялись подходить к пулемету.

Новые сумерки нагнали жалость. Стрельба стала реже и вскоре совсем прекратилась. Но уйти из арсенала Гальнов не смог. Он знал, что где-то недалеко притаился вражеский снайпер. Он решил сидеть до утра, зная, что утром наступление возобновится. Враг тоже не дремал, решив гранатами забросать отступающего лейтенанта.

Из окопов врага к Гальмову летели гранаты. На лету он ловил их и отсылал обратно. С визгом разрывались гранаты там, откуда они были брошены. Так продолжался воедини лейтенанта Гальмова с целым подразделением противника в течение часа.

Командование считало, что лейтенант Гальмов убит, однако утром, когда наступление комсомолов и противник был выбит из окопов, наступающие с изумлением увидели своего лейтенанта, который быстро присоединился к ним и снова вступил в наступление.

Подразделение лейтенанта Гальмова захватил передовым. Еще за несколько дней до боевых действий оно стало комсомольским, сам лейтенант недаром поддал завязывание в партию.

Фото Л. Коробова.



Герой Советского Союза полковник Н. Лакшев.

Полковник Иван Алексеевич Лакшев — Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета РСФСР — впервые увидел самолет 15 лет назад. Самолет прилетел в поселок Савлово, около Говардовско-Троицкой писчебумажной фабрики. 15-летний мальчик с восхищением смотрел на летящую машину.

Дважды Иван Лакшев пробовал поступить в авиационную школу, но враги его браковали. Тогда он уехал в Ленинград и поступил на завод «Электросила». Работая учеником разметчика, он одновременно учился на рабфаке технологического института. Комсомолец Лакшев руководил на заводе ударной бригадой. В 1931 году, когда Лакшева призывали в ряды Красной Армии, он попросился в авиачасть. Просьба была удовлетворена. Через два года Иван Лакшев окончил летную школу. Исполнил заветное его желание: он получил шутливую в небо.

За эти годы молодой летчик освоил множество типов быстролетных самолетов. В день авиации — 18 августа — москвичам был показан «воодушенный» бой истребителей. Когда над воздушными арсеналами взорвалось комсомольское берлинское «противника», с зеленого поля вымался стая тучковок истребителей. Тучковокмале молниями ракетами уходила в небо. Эскадрилья вел полковник Лакшев.

В воздухе разгорелся бой. Истребители показывали чудеса высшего пилотажа. «Вражеские» бомбардировщики бежали... За выполнение особых правительственных заданий по укреплению оборонной мощи Советского Союза правительство наградило полковника Лакшева орденом Ленина и двумя орденами Красного знамени и присвоило ему звание Героя Советского Союза.

Сейчас бывший бригадир ударной бригады завода «Электросила», воспитанник Ленинско-Сталинского комсомола, командует боевой частью истребителей.



*Выезд И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова на боевую разведку в район станции Зимовьяки (царивинский фронт, июль 1918 года). С картины В. Хвостенко.*



*Эпизод на маньчжурской границе. С картины М. Соловьева.*

# ВОЕНКОМ ПОЖАРСКИЙ

Биография Ивана Алексеевича Пожарского Вироста и помоя на тысяч других биографий сына нашего народа — бойца, командира, комиссара Красной Армии.

Родился в городе Арлатове, Мордовской АССР. Сын рабочего. Двенадцати лет уже работал с отцом на заготовке леса, затем три года в слобожанской мастерской, сначала учеником, потом мастером.

В 1922 году комсомолец Иван Пожарский был мобилизован на производственный фронт. Следующий год ездил Пожарский с рабочим отрядом по селам Арлатовского уезда, собирая хлеб у кулаков, пытавшегося голодом задуть Советскую республику.

В 1924 году по путевке укомса партии Пожарский был послан в ульяновскую совпартшколу, которую окончил в 1925 году.

Дальше идут годы активной комсомольской, партийной работы: секретарь ульяновского ВЛКСМ, член укомса, председатель ревкомиссии уезда, член Арлатовского горсовета. Самым интересным периодом своей жизни Пожарский считал службу в Красной Армии. С ней связал он свою жизнь, в ряды ее он оставался до конца своих дней.

Путь его в Красной Армии — путь многих политических работников: курсант, командир команды взвода, секретарь ячейки ВКП(б), секретарь комсомольского бюро, инструктор, секретарь партийного бюро, комиссар эскадрона, батальона.

В 1936 году молодой комиссар получает первое боевое крещение. 25 марта 1936 года яковлевские провокаторы хотели нас пронзить итхамом. В районе пограничной № 8 отряд яковлевских, вооруженных итхамом, пулеметами, перешел советскую границу. Прочувствив японских захватчиков, отогнать их с советской земли было вооружено эскадрону, в котором комиссаром был Пожарский.

Комиссар Пожарский был в первых рядах. Он руководил боем на правом фланге. Лучшим примером комиссар воодушевлял на героические подвиги своих бойцов.

В середине мая Пожарский был ранен, однако до конца боя он не ушел из строя. Японские провокаторы и в тот раз испытали силу нашей армии.

2 апреля 1936 года Президиум ЦИК СССР за бездельность и отставку, проявленную при охране границ СССР на Дальнем Востоке, награждает Ивана Алексеевича Пожарского, воина эскадрона, орденом Красной звезды.

После этого тол. Пожарский учился в военно-политической школе имени Ленина и в августе 1937 года с орденом Зарядкой сдал, с боевыми знаками вернулся в свою часть.

Тепло встретила бойцов своего комиссара. Любили и уважали его за простоту, чуткость, за большевистскую яркость. Такими знала его и вся партийная организация.

Он сплотил коммунистов батальона, смело руководил отрядом.

Товарищи, знавшие его по работе, бойцы и командиры поражались удивительной работоспособности этого человека. Он был везде: на стрельбище и на конюшне, в казармах и в столовой.

Ночами он просиживал за трудами Ленина и Сталина, готовясь к занятиям. Он знал каждого человека в батальоне, находил время писать письма бойцам, указывая на курсы, в командировку.

\* \* \*

Те дни были особенно тревожными. Японские провокаторы нарушали государственную границу в районе озера Хасан.

Когда узнали о событиях на границе, военком Пожарский собрал коммунистов. С величайшим возмущением он говорил о бездельных действиях японских самураев. Кратко, как всегда, был военком, но его понимали коммунисты, бойцы, командиры: надо быть готовыми, надо прочувствовать зарываемые врага.

— Ночью выступил батальон. Перед строем бойцов комиссар держал речь. Никогда еще она не издала его таким. Каждое слово комиссара входило в душу. Хотелось быстрее встретиться с врагом и обрушить на его голову весь гнев советских людей.

— Эскадрон бойцов действовал в первом строю. Он получил задачу — занять сопку Пулунетью. Подлемя, востершая жара. Пошли в атаку. Впереди атакующих шел военком Пожарский, рядом с ним старший лейтенант Полюн, заместитель полтура. Тимовей Яковлев.

— Эх, и повоево тебе, товарищ Яковлев, — говорил Пожарский перед боем заместителю полтура.

— И действительно повоево, — отвечал яковлевский Яковлев. — Только с курсов и прямо в бой.

— Вот повоево и тебе, как надо японцев бить, — сказал комиссар.

— Так им ведь уже бил их раз.

В бою Яковлев не отставал от своего комиссара. Это не только его комиссар: это его друг, самый близкий товарищ. Сосем недово Пожарский рекомендовал Яковлева в партию. Он его ученик, воспитанник.

— Вперед, за Сталина, за родину! — слышал призыв комиссара бойца.

Добавлял к слову, заменяя его вол, измерялась отступить. Вперед сильно укрепленной огневой точкой противника. Командир, комиссар поставила задачу — уничтожить отступающую противника и овладеть сопкой Пулунетью.

Японцы, заметив приближение бойцов, открыли сильный огонь по рябу. В это время из расположения огневой точки выбежал японский офицер, направился к реке Тюмень-Уда.

Пожарский выстрелил — и самурай упал, схватившись за живот.

— За мной, вперед!

Военком бежал вперед цепь бойцов, забрасывая гранатами врага. Нани пулеметчики вели интенсивный огонь. Сзади за другим замолкали вражеские пулеметы.

Правый фланг батальона охраняли пулеметный взводом командата партии Михаила Неувина. Он старей сослуживец Пожарского, участвовал с ним в бою 25 марта 1936 года. Японцы обстреливали северные скалы высоты Заозерной, воле озера Хасан. Метким огнем пулеметчики взвода Неувина уничтожили японцев.

Три раза батальон ходил в атаку. Пожарский все время боя был вперед. После первой атаки комиссар был ранен.

Переживая рану, Пожарский снова пошел в атаку. Голос его звучал так же уверенно, так же страстно.

— Вперед, — звал комиссар, — за родину, за родного Сталина!

В третью атаку японская огневая точка была разрушена и уничтожена.

В бою был смертельно ранен комиссар. К нему подбежали бойцы.

— Прощайте, — прошептал он, — с честью постою за родину, — и с этими словами умер.

— Комиссара убили! — крикнул куратор Каданца.

«Комиссара убили» — крикнул и русский бойцов. Японцы пробовали убежать, но были уничтожены взводом Неувина. Схватка стала рукопашной. Храбро дрался красноармеец, куратор Каданца, отделившийся командир Семенов, лейтенант Урицкий.

На лейтенанта Урицкого с саблей в руке наскочил японский офицер. Урицкий воткнул саблю в горло итхам и не успел вытянуть, как сила на него нашла второй офицер. Выстрел из револьвера самурая был убит итхамом.

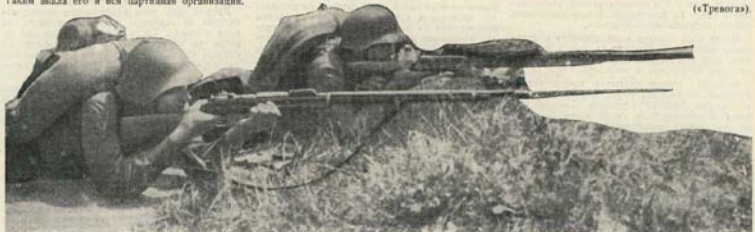
Бойцы отомстили за смерть своего любимого комиссара: ни один захватчик не ушел из окопов, все были уничтожены. Сопка Пулунетия была взята.

— Так умер военком Пожарский — сын народа. Бестрашный воин-большевик. Он отдал самое дорогое — жизнь — за родину, за Сталина, за коммунизм.

Вечна будет память о герое-комиссаре.

Когда мы говорим о Пожарском, перед нами встает образ комиссара гражданской войны — смелого и бестрашного бойца, человека большой воли, беззаветно преданного народу, своей партии.

(С.Трегос)



## ПАМЯТЬ

В эти дни не хватало терпения дожидаться, пока почтальон принесет газеты — рано поутру я дежурила у газетного киоска. Какже-то вестя правду сегодня с Дальнего Востока?

Тем временем в очереди завызывался разговор. Об этом товарище вкратце: — рано в трамваях, на службе, дома. Воих возмущала наглость забеснивших самурев, которые уприво лезли туда, где их столько раз нещадно били. «Ми надо бы поиним собственную винушину!» — сказал старей рабочий, — там с восемнадцатого года много зарубок осталось».

Часто упоминали имя, которое заставляло меня вздрагивать и оборачиваться, — имя моего отца — Сергей Лазо.

В эти дни из старых чемоданов была извлечена на свет порожневая замшелая карта ДВК. Мы попутно изучали ее. Матери знакома здесь каждая партизанская тропа в тайге, а мне, к сожалению, почти совсем не помню Дальний Восток: меня увезли оттуда в раннем детстве. С тем большим интересом слушала и рассказы матери...

Предпоследний партизанский, японский взятый атаман Соколов присутствовал — равно с самой китайской границе. Снаряды стали уже ложиться на чужой, китайской территории. Дальнейший обстрел грошил международными осложнениями. Соколов вывел это и чувствовал себя почти в безопасности.

Тогда отец решил без шума применить холодное оружие. Ночная кавалерийская атака была ошеломительна. Лазо достал врага в его убежище сабей.

А сейчас самурев достали с воздуха бомбы! Их громили наши мощные танки, наша меткая артиллерия, наши отважные авиационники.

Как хотелось быть в эти дни там, на передовой линии, на подступах к Заозерью!

Я, как и другие московские комсомолки, очень завидовала девушкам Дальнего Востока: они находились ближе к фронту.

В перерывах между скачками там же, на огневых позициях, молодых бойцов принимала в комсомол. Это было вполне глубокое, патристическое смысла. В минуту опасности люди стремились сокрушиться телом, дойти к докту, стремились стать ближе к партии Ленина — Сталина.

Какая огромная сила в описании комсомольского собрания на возмания:

«Комсомольское собрание на огневых позициях в разгаре. Рассматривается ордереое заявление о приеме в комсомол. Вдруг раздается команда полубатарейного командира: «К бой!» — и собрание временно прекращается, для того чтобы отыскать меткий, уничтожающий огонь по противнику. После осколькая залпов собрание продолжается».

После этой заметки меня потянуло к дневнику. Захотелось переписать его и приписать свои собственные ощущения и переживания при вступлении в комсомол.

«После уроков открытое комсомольское собрание: оный зал затер; стел торжественно ширит красной материей. Сначала был какой-то доклад. Я не слушала его, смотрела на докладчика выжидательно и с неприязнью скоро ли кончится? Наконец, он с шумом зашел последнюю фразу: «Вой вой графина и, закручив ставком, сей».

«Вот уже читают мою вкратце, и встаю. Задают вопросы, и ужасно возмущу (какая и трусиха все же), мне подкашивает спина сердобольные подруги. Я отмахивалась от непереносимой лояции.

«Председатель провозгласит слова, которые

гукло отлаются в сердце: «Кто за то, чтобы принять товарища Лазо в комсомол!»

«Кажется, что он широко считает так медленно и почти пошумом. Я напрасно вслушивалась, так и не могу понять, сколько же «за». Смотреть на ребят в эту минуту близко. Я опустила голову и вижу только ноги под скамейками».

«Итак, решением общего собрания товарищ Лазо принят в комсомол!»

С детства лет много задела настоявшая мечта: во всем, во всех поступках, чувствах, мыслях, быть похожей на отца, на коммуниста Сергея Лазо. Став членом комсомольского союза молодежи, и приближалась к осуществлению этой мечты.



Ала Лазо.

По-шуму перечитывала и теперь старее, сохранившиеся у матери записные книжки Лазо, где среди списков оружия, боеприпасов, меднакаментов в назавный книг, которые он собирался прочесть в тайге, была сформулированы его взгляды на жизнь. Я применяла его строго требования к себе, я объявляла себя выполнять их, потому что и комсомолка и готовилась так, по примеру отца, большевиком.

В время избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР мне повалилось вдруг, что у меня совершенно не хватало времени. Была конец четверти, приходилось излагать на зубку, ко всему остальному прибавлялась работа на участке. Слова помог отец. Слова его были усвоенными и овладевшими: «Почему завтра ты не сможешь сделать вдвое больше того, что мы сделали вчера? Только в труде и борьбе растет и крепнет человек».

Веселый рад, когда работа не клеилась, возникала трудность или начинали одолевать какие-нибудь неприятности, слова отца, обращенные ко мне, к молодому поколению из далеких

восемнадцатого, девятнадцатого, двадцатого годов, бодрили, поднимали дух.

И вот иногда делалось до боли грустно и обидно, что отец не может увидеть плодов своей борьбы, своего труда, не может услышать, как счастливо живет сейчас наша молодежь, как счастлива его дочь!

Этой осенью я поступила в Институт философии, литературы и истории. Выбрала литературный факультет. Учительница в десятилетие считала, что у меня есть литературные способности.

Отец ушел на войну со студенческой скамьи. Математика была его призванием. Он всюду носил за собой тяжелый мешок, набитый книгами, и урывал от сна и отдыха минуты, чтобы почитать. Но он знал, что право на счастливую жизнь надо защищать с оружием в руках.

Окончив Институт, я буду работать на Дальнем Востоке — это решение. Там встретятся с интересантами отеч, там он погиб, там мое место.

У нас, в Советском Союзе, установилась хорошая традиция: брат заменяет брата, убитого при защите границы. Поэтому же дочь не может встать на место отца?

Но я должна быть, конечно, достойна высокой чести работать на Дальнем Востоке. Мне говорит, что я очень похожа на отца. Я хочу, чтобы его старая дальневосточная товарищица, ветеран гражданской войны, с которыми и обязательно должна встретиться, заметила не только внешнее сходство...

«Напрасно, если припомнить в разговоре общепринятую традицию. Осуществилась связь в большинстве случаев в 1920 году, мать проходила со мной на руках через авламы, а секретные дознания были написаны на подотте, в которое и была завернута. Я хочу, чтобы старин, вспоминаю об этом, сказала: «О, наша Ала выросла из пеленок. Теперь она способна на самостоятельное дело».

Я знаю отца только по рассказам матери: его ведь убий, когда мне было всего несколько месяцев. Но из рассказанного у меня в памяти есть всего такой шажок...

Отец не видел еще своей недавно рожденной дочери. Мать приехала в Сучан, в деревню Горецкую, и Лазо пришел туда в тайге, где скрывался. По условиям конспирации, мать сделала вид, что она не знает Лазо, но незаметно передала ему мою фотографию, спрятав в старой газете.

Отец ушел в ночь. Мать, таясь от проходим, доследила за ним. Он остановился и укрывшаяся за деревом, старался зажечь спячку. Из тайги дало сильный ветер.

Увидел мать, отец улыбнулся и сказал, поклавывая на карточку: «Хочу посмотреть, на кого похожа». Тогда мать заслонила его от ветра, он жажет спячку и долго смотрел на снимок. «Она такая маленькая», — ласково сказал он. — «Но, правда, она похожа виновно на меня!»

Я вижу эту картину, точно был при этом. Малейший дождь. Деревья гнутся от порывов ветра. И отец, хоть сгорбившийся под тяжестью огромного походного мешка. За поясом топорик. В одной руке винтовка, в другой — моя маленькая фотография. А когда начинаю представлять себе его лицо, устаю, исключаю, изборуженное морщинами забыто лицо, горло стискивает судорогой, мне трудно дышать от нехватки и тем, что убий его, и самураи, которые согнали его в паровозной топке.

Я буду сражаться за великое дело коммунизма, за дело Ленина — Сталина, которую отдал всего себя мой отец Сергей Лазо.



МАТЕРИ-  
РОДИНЕ

Ритмично на стаях роль подраживают вагоном колеса. Метропоезд мчится по тоннелю, то уходя глубоко вниз, то приближаясь к поверхности земли настолько, что прожужжит на ушах слышат несный гул его моторов. Профьют пути волнистый. На ухабах с силой нажимают на ободы колес тормозные колодки, слышна стремительный разбег пружин. Каждые 2—3 минуты встречаются станции; снова машинист дует тормозы...

Частое торможение поглощает драгоценной запас энергии, накапливаемой поездом во время хода под уклон, когда он в силу инерции самоотлично развивает скорость, почти или совсем не пользуясь током электричества. Постоянное трение тормозных колодок расходует эту потенциальную энергию на бесполезное тепло. Многие и многие киловатты теряются в течение рабочего дня на метрополитене.

Но, кроме примененного сейчас на поездах метро пневматического торможения, существует еще способ электрического торможения, способ более гибкий, выгодный и совершенный.

При электрическом торможении энергия движения поезда передается обратно в сеть и в потребители остальных поездов, находясь в пути, избыток ее преобразуется на тяговых подстанциях в энергию переменного тока для передачи в сеть высокого напряжения.

Этот вид торможения называется рекуперативной энергией.

Над вопросом рекуперативного торможения метрополитенов работает группа инженеров-комсомольцев из т.о. Фабрично. В подарок матери-родине к 20-летию Ленинского-Сталинского комсомола Московской области обласовало закончить первый из трех вариантов расчета сети.

Уже сейчас подсчитано, что при рекуперации получаются экономия электроэнергии в пределах 20—25%; уменьшается среднее напряжение на токоприемнике поезда, что увеличивается скорость хода; уничтожается металлическая пыль, образуемая постоянной работой пневматических тормозных устройств; срок службы вошедших удлиняется — они остаются в запасе и пускаются в ход при езде на малых скоростях, как рекуперативное торможение не существует.

В молодежном коллективе Метрополитена не один только Фа? инеко готовит подарок Родине.

Молодой инженер Лурье закончил к славному двадцатилетию ВЛКСМ свой проект тяговой подстанции с применением новейших в мире железобетонных масляных выключателей.

Инженер Перси изобрел светящую лампочку для расчета электрических кабелей и проводов — и готовит доклад об усовершенствовании электроосвещения промышленных предприятий.

Инженер Климентов написал книгу о борьбе с ударным шумом. Татьяна Петрич обласовала овладеть монтажом. Чертежница Павлова поставила себе целью сдать нормы на два оборонных задания: коррозийного строения в ГСО.

Родина может гордиться своими детьми.

Н. ПОПОВА

техник Метрополитена

Самый счастливым  
день

Депутат Верховного Совета СССР О. Я. Мутина (слева) и депутат Верховного Совета РСФСР В. М. Бондарова.

Иду по своему селу. Жарко, хоть и вечер. Но в ушах народа: односельчане-старшие, дети и сверстники — друная детская яр. Иной парень смутится при встрече:

— Здравствуй, Ольга Яковлевна!

И смех, и слезы. Забыл что ли, как вместе по этой земле топтал, кто быстрее до амбара домот. Кажется, это было совсем недавно...

\*\*\*

Когда мать вспоминает о моем детстве, она говорит:

— Вель ты, Ольга, начала жить как я, как твои бабушка. Ну, и думала я, что так же, как баба, пройдет и твой век. А теперь как повзрослела...

И верно. Детство мое было таким же, как и у большинства бедняков. Учиться не пришлось. Помогала родителю по хозяйству, выладела работничком.

Парня Ленина — Сталина повернула к жизни на просторную, колхозную, счастливую дорогу.

Работая в колхозе, и впервые в жизни почувствовала в себе силы и уверенность. День и ночь хотелось трудиться, чтоб покосоре окрест наш колхоз.

Когда пришла в меня сибирское село стальные кони — тракторы, — сами грамотные, больше работа в досужки сразу пошла на курсы трактористов. А я, неграмотная, ходила сама не своя. Трактор стал моей мечтой. Покой отерпела. Почему же и от других отставить должай? И решила: давай трактористкой, поеду на курсы. Многие восхитались: «Как же, без тебя, поля, и курсы не откроются». «Ладно, — думаю, — смелитесь, а я своего добьюсь». Днем изучала трактор, а в ночное разбирала букви, складывала слова.

После я не только на тракторе работала, но в комбайн освоила.

В 1937 году вместе с другими девушками из нашей тракторной бригады и вступила в Ленинско-Сталинский комсомол. Курсы трактористов немцы для меня особенно тем, что я

не только изучила там технику трактора, но также овладела грамотой, но и приблизилась к политической жизни. Это была первая дорога к комсомолу, к передовой молодежи.

Я организовала женскую комсомольскую тракторную бригаду! Плохо стеснялся и я на первых порах. Встречала насмешкам. Ну, да зато провокала иначе. Соревновалась с другими бригадами МТС, мы заняли в районе первое место. Работали день и ночь, и так нам было весело и радостно! Побеждали неизвестно для нас не существовало никакой погоды. Труд был настоящей радостью, гордостью. Соревновались крепко, помогали друг другу. А в часм отидка учились, читали, изучали Сталинскую Конституцию. С каждым днем чувствовалась, как растет наша девичья колхозная сила.

Читая газеты, беседуя с коммунистами, и много думала о большевистской партии, о том, как мы покладаем рук боремся она за наше счастье. Много думала о товарище Сталине, который дал советскому народу замечательную жизнь.

Я считала себе тогда еще не подготовленной для вступления в партию. Однако чувствовала твердо, что мой путь лежит в партию, другого пути у меня нет и никогда не будет.

В октябре 1937 года, на предвыборных собраниях, колхозники стали выдвигать мою кандидатуру в депутаты Верховного Совета СССР. Товарищи много говорили о боевой работе моей бригады.

Я слушала выступления колхозников и себе не верила: неужто заслужила и такую высокую честь — быть избранной народом?

Довелось мне в том году пережить такие дни, которые никогда не забуду. Я узнала душевно в мире человека самого высокого, самого родного друга трудового народа — товарища Сталина. Увидела его славных соратников, встретилась с лучшими людьми страны и вместе с ними решила больше государственные вопросы.

Приехав с первой сессии Верховного Совета, я пошла к партгруппе своей МТС. Через девять партийное собрание разбороты во мне заврелось пририне в ВКП(б). На бюро райкома в парторгком 20-летия ВЛКСМ и райком партии. Совет СССР, о том, как ралывалась там вопросы, как оформлялись мы правительством.

Бюро райкома приняло меня в кандидаты партии. Это был один из счастливейших дней в моей жизни.

Я состою в партии, которую создали великие Ленин и Сталин. Разве может быть для комсомольца большая гордость!

\*\*\*

Требования к себе растут все больше и больше. Я еще впервые вылезла за работу и за учебу. В моей тракторной бригаде 6 дежурных комсомолок. Все они готовятся поступить в ВЛКСМ и райком партии. Мы непременно идем впереди других бригад района. Намому не отдадим свое первенство!

Подготовка — враги народа — свечские пытались помешать нашей стахановской работе: они разволяли такие слухи, что, мол, из этих женских бригад ничего не выйдет. Пытались нас высмеять, где только можно. Не вышло! Колхозники в один голос просят МТС, чтоб им прислали мою бригаду!

— Ольга Яковлевна, приезжайте!

Я учу своих девушек не только мастерству работы трактористкой. Я воспитываю в них чувство товарищеской любви к родному делу, к партии Ленина — Сталина. Я воспитываю в их сердцах згучую ненависть к презренным врагам народа.

# Героическая молодежь



# ИСПАНИИ

(По статьям испанских и французских газет)

— Ты ранен? Подожди, я схожу за товарищем, и мы донесем тебя.  
— Не надо. У меня в левом кармане лежит пакет... Передай пакет капитану К. Сроно!  
— А как же быть с тобой?  
— Остань месяц! Беги! Передай капитану па. кет. Сроной!

Героическая молодежь Испании, дающая стране целые дивизии бойцов, так же самоотверженно работает в тылу.

Приказавший с фронта бокс, посетил фабрику «Стандарт», заявляет: «У меня создалась впечатление, что тут тоже идет своеобразный бой. Здесь, на оборонной фабрике, так же борются и работают на оборону, как и на северном и восточном фронтах. Это героическая оборона стран в фабричных стенах».

«Сталковский» движение по повышению порн выработок.— сообщает «Аора».— началось на фабриках как соревнование между отдельными работниками по почину членов союза Общественной социалистической молодежи.

Под локони руки молодежи машины все убыстрять свой ход. Растут пирамиды готовых деталей, и дневная выработка превышает обычные нормы. По окончании работы молодежь начинает подсчитывать свои достижения: — Я выработал сегодня 210 деталей.  
— А я 218!

— Ты взял время,— признается первый,— но подожди, я еще стану тебе за пою!

Растет и ширится сталковский движение, захватывая все новые и новые слои молодежи. Вся испанская молодежь повторяет слова великого вождя международного пролетариата Сталина о том, что труд так же делит товарища Сталина о том, что труд так же делит, делом славы, делом доблести и геройства!

Пример Советского Союза, пример его лучших людей, пример Сталина вдохновляет испанскую молодежь.

## Незаместимые герои

Французская журналистка Тереза Вандор рассказывает:

«Вот уже третий день, как деревню бомбардируют фашистские самолеты. Жарко, канонада не умолкает до позднего вечера. Молодежь сахарного завода работает целый день без отдыха: все спешит погрузить сахар на грузовики. У рабочих едва остается время, чтобы уйти из деревни. Они даже не успевают сбросить спеновки: фашисты уже совсем близко... Сахар был вывезен из деревни и передан правительственным войскам».

— У станции, на железнодорожном пути, стоит поезд с боевыми припасами. Над вагонами, над станцией в городом кружат фашистские аэропланы, штук 30, а между вагонами работают железнодорожники. Слышно только жуужание моторов в небе, а внизу — лабэ инструментов. Подают сменные крышки. Рабочие распределяют вагоны и тем затрудняют обстрел состава. Бомбы не достигли своей цели: груз был спасен. И только запоздало свою работу, железнодорожники укальши в убежище».

— Вы герои,— сказала я молодым железнодорожникам.

— Мы не сделали ничего особенного,— отвечали мне один из них.— Правда, странно было работать во время налета врага, но это был наш долг, мы не могли поступить иначе. Ведь железнодорожники отвечают за груз. А эти грузы надо было везти, чтобы ты не стало недостатка на фронте в полной готовности. Пришлось riskнуть своей шкурой. Нам повезло: никого из нас не ранено, не убито».

## Фронт

Больше двух лет борется испанская молодежь за независимость своего народа, за свободу родной страны. За эти два года испанская молодежь блестяще проявила себя на фронте и в тылу.

В сентябре 1936 года коммунистическая и социалистическая молодежь сложили воедино, так образовался союз Общественной социалистической молодежи Испании.

Объединенная молодежь заявила тогда: «Мы хотим завоевать для молодежи здоровую и счастливую жизнь, подобно той, которую в этой части мира завоевала большевистская партия — партия Ленина — Сталина».

Объединенный союз насчитывает более полумиллиона членов. Большинство из них — бойцы и офицеры республиканской армии, воздушного и морского флота.

Планиемые передовым молодежной газетой «Аора» принимают молодых инвалидов в воином войсках. Мы читаем в «Аоре» о победах республиканского оружия, о страстной стремлении к борьбе, охваченным все народное войско, все испанскую молодежь.

Молодежь создала свою собственную дивизию. В эту дивизию принимают волонтеров не моложе 16 лет, но подростки прибывают себе по 2 и по 3 года, чтобы повзреть в армию. В стране, которая так трагично, так упорно борется за свою независимость, дети рано умирают.

Вот несколько эпизодов, рисующих героизм испанской молодежи.

Отряд бойцов, шедший на соединение с республиканцами, направился к позиции, оставленной накануне правительственными войсками.

Бойцы республиканской армии, занимавшие новые позиции, рассказывают: «Когда неприятель открыл сильный огонь по окопам, с нашего вражеского флага в ответ яростно зарычал пулемет в руках Пули дельга в обеих стороны плотной струей вылетел дым».

И вот среди этого ада мы заметили приближающийся отряд наших бойцов. Отряд направился к нашим старым позициям, занятым сейчас фашистами. Мы кричали товарищам, подавали знаки — было бесполезно.

— Их всех истребит пуля! Но что делать? Как их предупредить?

Вдруг что-то быстро свернуло у нас перед глазами. Высоко над головами поднялась чья-то рука. И среди свиста пули послышался все хороню знакомый звук, который ни с чем не спутаешь. То был звук горна — отбей».

Восклик на выступ скалы под горами, пуля фашистов, рискуя своей жизнью, пробил наш молодой горн».

Товарищи, вырванные беспрерывно подчиняться приказу, тотчас прекратили огонь. Враг, пораженный внезапным сигналом и словом зашифрованным им, тоже умолк.

Бойцы успели благополучно соединиться с нами, и мы вместе разгромили фашистов».

Вот другой эпизод. В землянке командир что-то быстро писал. Недалеко уже шел ожесточенный бой. Командир писал, командир писал связиста: — Передай этот пакет капитану К. Сроно. Счастливого пути!

Скорчившись, боец выбрался из-за бруствера и побежал. Над головами у него фашистские истребители осыпывали широкие круги и, свисаясь, посылали пулеметным огнем нуду в атаку республиканцев. Когда аэропланы скрывались из виду, боец, пользуясь возможностью, пробежал несколько шагов по рваной земле. Вдруг так-то близко затрещал фашистский пулемет. Связист пробежал шагов 20 и спрыгнул в яму. Пули кривали землю за его спиной. Он решил бежать по прежнему направлению, но едва поднялся, как 4 пули гудом ударили его в грудь».

Боец ужал. На минуту он потерял представление о том, где находится. Но сознание вернулось к нему, он вспомнил, что у него в левом кармане лежит пакет, который надо передать капитану К. Ринаной. Шатающаяся встать. Напрямые ужал! Тогда, с трудом преодолевая страшную боль, он привалился к земле и крикнул, как только мог громче. Раненого связиста нашел санитар».



На снимке: молодой боец республиканской армии в момент затвора на фронте работает на крестьянском поле.

## Испанские девушки

Тереза Вандор рассказывает также о своем посещении металлургического завода:

«Я останавливаюсь в изумлении перед тяжелым токарным станком, за которым работает молодая стройная девушка. Руки ее умело управляют станком, глаза пристально следят за деталью. Во всех ее движениях чувствуется напряженная воля.

— Вы, наверное, догадались,— спрашивает меня девушка,— что сегодня впервые я борюсь со сталью? Я все-таки справилась с новым для меня станком и выработала за день столько же деталей, сколько выработывал мой предшественник, который ушел на фронт.

— Давно ли вы работаете на заводе?

— Месяц. Я была первой женщиной на этом заводе. Что и говорить, когда я впервые пришла сюда, некоторые рабочие, глядя на меня, только недоверчиво качали головой...»

## Молодежь и культура

За два года войны в Испании республиканским правительством открыто 10 тысяч новых школ. Вот что пишет корреспондент газеты «Аора»: «Вся испанская молодежь идет на жертвы ради победы над фашизмом. Тот, кто способен идти на фронт, берется за ружье, другие работают в тылу. Но вся молодежь стремится к знаниям. Она хочет овладеть куль-

турой. Это желание молодежи необходимо всячески поощрять. Наш союз Объединенной социалистической молодежи организовал в Мадриде общеобразовательную школу.

70% всех учащихся блестяще сдают экзамены по точным наукам, а процент успеваемости по общеобразовательным предметам равен 98.

Учащиеся имеют возможность работать в библиотеке, посещать клуб. При школе организованы музыкальные кружки, демонстрируются культурно-просветительные фильмы, проводятся беседы на политико-экономические темы, устраиваются экскурсии на фабрики и заводы.

В эту школу нередко приходят неграмотные деревенские парни, а через несколько месяцев они уже держат вступительные экзамены в специальные школы, становятся летчиками, инженерами, техниками нашей промышленности, принимают участие в строительстве будущей цветущей Испании».

## Любовь к Советскому Союзу

Героическая испанская молодежь, которая так смело и самоотверженно борется против фашизма на фронтах и в тылу, много раз доказывала свою любовь к Советскому Союзу.

Молодой капитан-андалузец признается советскому писателю Эренбургу: «Умирать не хочется... Вот я в Москве никогда не был».

Другой молодой парень погиб при бомбардировке Фраги с книжкой Авдеенко «Я

люблю». Даже под бомбами не расставался он с книжкой советского комсомольца, с ней он и умирает.

«Ночью в маленьком театрике,— рассказывает Михаил Кольцов в «Испанском дневнике»,— при раскаленном внимании идет кинофильм «Чапаев». Черные береты жадно следят, как Василий Иванович Чапаев объединяет приуральских крестьян против помещиков и генералов, как он бьет своих, русских фашистов, тоже похожих на здешних, испанских...»

Арагонские крестьяне, каталонские рабочие учатся у Чапаева защищать свои права».

Не только наши герои, наши книги, наши партизанские песни вдохновляют испанский народ и его молодежь на борьбу с озверевшим фашизмом: их вдохновляют наши достижения, наше строительство, наша великая Сталинская Конституция— весь победоносный путь Советского Союза.

Вот что пишут бойцы одной из частей республиканской армии:

«Нас воодушевляет пример героической борьбы рабочих и крестьян царской России с угнетателями и тиранами. Мы будем драться, чтобы и нашу страну сделать счастливой и установить новый строй, строй справедливости и демократии, ярким выражением которого является новая Сталинская Конституция. Да здравствует Советский Союз! Да здравствует Испания народного фронта!»

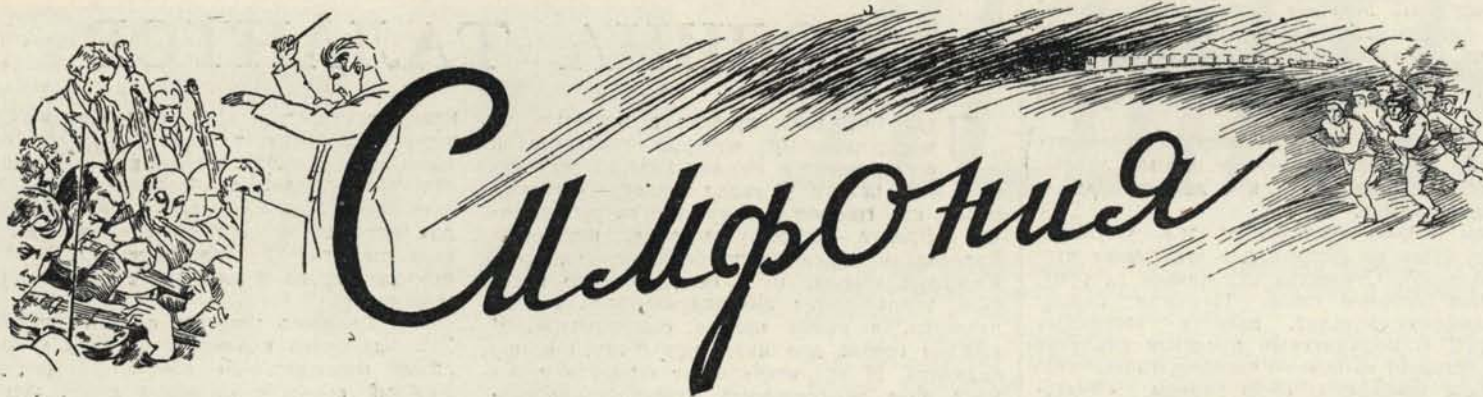
Перевод М. Казас

Фото М. Ананьина.



Передовые стахановцы сталелитейного цеха уральского завода тяжелого машиностроения имени Серго Орджоникидзе (справа налево): ВЕНИАМИН РУЖИЦКИЙ, комсомолец, сменный мастер электропечи имени Косарева, и сталевар МИХАИЛ ВАЛОВ. Бригада В. Ружицкого в течение 6 месяцев выполняет программу на 115—130%. В ознаменование 20-летия Ленинско-Сталинского комсомола бригада включилась в социалистическое соревнование и показывает замечательные образцы выплавки высококачественных сталей.





Композитор бродит у входа в фойе бледный, осунувшийся от волнения. «Мясковский прошел,—шепчет он товарищам, нервно косясь на двери.—Штейнберг! Глядите, Шостакович!» Тревога его растет с каждой минутой. Его беспокоят музыканты, которые репетировали всего два раза. В отчаянии бедняга принимает объяснять это товарищам, чтобы подготовить их к провалу своей симфонии. Провал кажется ему почти неминуемым.

Тем временем наполняется зал. Рядом с профессорами-экзаминаторами усаживаются студенты, пришедшие послушать выпускника. Все в Консерватории знают и любят Володю Бунина, старого комсомольца. Девушки приветственно машут ему цветами. Бодрее, Володя, бодрее! Выше голову! Бунин поднимает голову. «Что бы там ни было,—говорит он, пробираясь в дальний угол,—я уверен в одном: никто не скажет, что симфония надумана. В ней нет ни одного звука, которого я бы не пережил сам».

И пока оркестр настраивает инструменты, а опоздавшие музыканты, гремя попитрами, рассаживаются по местам, нам рассказывают историю жизни, которая легла в основу симфонии.

...Часто ночью Володя Бунин вскакивает с постели. Он порывается куда-то бежать, его держат за руки. «Нервы»,—говорит он потом, очнувшись,—но правильнее было бы сказать «воспоминания». Они поднимаются со дна памяти, точно болотный туман, зыбкий, призрачный, пугающий.

Иногда Володя боится проснуться. Ему чудится, что он дома, в Скопине, что он еще ребенок, и если откроет глаза, то увидит склоненное над собой злое лицо снохи. Так было однажды. Сноха не могла добудиться его: сон в эти годы крепок. Тогда она ударила его наотмашь. Он ощутил вкус крови на губах—все лицо стало мгновенно мокрым, и испугался. Он выскочил в одном белье на двор, страшно крича, и побежал вдоль улицы. Был март, у заборов лежал желтый снег.

Он жил у братьев из милости, был нянкой, судомойкой, прачкой. Почти не помнил родителей. Отец, колесный мастер, умер, когда Володе не было двух лет, мать—когда исполнилось шесть. А здесь его даже не называли по имени, ему просто говорили «Эй!»

Он помнит себя стоящим среди дровяного сарая и с недоумением разглядывающим старый, заржавленный наган. Только что, опустившись на колени, он приставил дуло к животу и несколько раз нажал курок. Наган остался безответным: что-то в нем, повидимому, испортилось. Зачем же брат прятал его среди дров? А может быть, Володя просто не умел обращаться с оружием?

Он был тогда подростком. На самоубийство его толкнула зверская порка—наказание за игру без спроса на гармони (ему разрешалось только тренькать на балалайке). Как-то, когда никого не было дома, он попробовал бархатные басы, замирая от наслаждения. Брат узнал о совершенном от соседей, когда вернулся. Шелева желваками, он приказал бледному преступнику самолучно снять с гвоздя и подать ему его солдатский пояс с тяжелой металлической пряжкой...

Скоро Володя Бунин ушел в беспризорные. Матово блестя на дожде, тянулись к горизонту рельсы. Все вокруг пропахло карбол-

кой. Под выбеленными стенами вокзалов, на мешках, корчились и бредили тифозные. То был 1919 год. На одной из станций—было это, кажется, в Ряжске—Володя пошел на рынок воровать. От голода подвело живот, на лотках лежала соблазнительная требуха, но внимание отвлекла балалайка. Очарованный ею, он топтался подле продавца и приценивался хриплым голосом, хотя в рваных карманах гулял ветер. Сыграв все, что знал, он со вздохом положил инструмент на место.

В это время несколько красноармейцев подошло к ним. Подмышками они несли буханки хлеба, у пояса брэнчали солдатские котелки. Они выбирали на рынке хорошую балалайку, но никто из них не умел играть. Продавец, расхваливая свой товар, сделал перебор, сфальшивил, смутился. «Вот мальчишка хорошо играет»,—сказал он, указывая на робкую фигурку, жавшуюся к лотку.

Володя сыграл несколько полек, вальс «Ландыш». Красноармейцы похваливали, удивлялись, а после окончательно растроганной их песни «Умер бедняга в больнице военной» решили, что и мальчишка должен ехать с эшелоном. С базара они ушли, обнявшись, и счастливый Володя играл на балалайке приличествующий случаю «маршок».

Эшелон двигался на колчаковский фронт с песнями и смехом. Красноармейцы учились у Володи игре на балалайке. Сдвинув в кружок стриженные и бритые головы, с напряженным вниманием следили они за проворными пальцами своего юного учителя. Колеса акомпанировали в быстром темпе. Позвякивали в стойке винтовки. Колеблющийся свет фонаря выхватывал из темноты добрые суровые лица, озаряя на секунду, и опять погружал во мрак.

На одном из полустанков Володя случайно отстал от эшелона. Оборвалась струна на балалайке, он отправился на поиски новой, возвратился—и не увидел родной теплушки. Перрон был пуст. Опять он остался один.

Семафоры кивали ему своими круглыми головами. Он ехал, слезал, снова ехал, спрашивая у встречных, как добраться туда, где лучше жить. Он устраивался на буферах, на крыше или выкапывал среди дров в тендере ямку и свертывался там в клубок. Вокруг кипела гражданская война, а однажды целую ночь они мчались сквозь горевшие леса, зажженные артиллерийским огнем. Польшавшие оранжевые стены стояли по обеим сторонам пути, в небо летели искры; Володя несколько раз просыпался и снова засыпал в своей ямке, только под утро исчез удручающий запах гари.

На одном из перегонов, где-то под Сызранью, его сбросили с товарного поезда, шедшего под уклон.

Это случилось так. Пьяный кондуктор—дюжий мужчина с шегольскими усами—ночью разыскал Володю в его норе и пообещал ссадить, если еще увидит. Володя тихо пробрался по крышам на заднюю площадку. Он очень боялся кондуктора, но колеса успокоительно стучали, и он задремал, прикурнув на ступеньке. Потом открыл глаза. Мимо пронеслись березки. Он стал тихо нахвистывать печальную, очень понравившуюся песенку «Позабыв, позаброшен с молодых юных лет...» и вдруг смолк.

Неосторожным движением он обнаружил себя. Раздалась мерзкая ругань, и он увидел кондукторские усы. «Слезай, приехали»,—крикнул кондуктор и ударил его по голове...

На утро его подобрали в беспомощности крестьяне и выходили с трудом.

В городе Кургане Володю определили, наконец, в детдом.

К 1923 году Володя был уже комсомольцем, столяром-краснодеревцем. Кроме того он выучился играть по слуху на пианино и был нарасхват на всех курганских танцевальных вечерах. На испытания в Омский музыкальный техникум он поехал со всем своим столярным скарбом, так как еще не был уверен, что из него выйдет музыкант. Закончив техникум, он поступил в Московскую консерваторию на композиторское отделение...

Идея симфонии пришла к нему три года назад. Он спешил на лекции в Консерваторию. Вдруг в мозгу явилась простенькая музыкальная фигура, начальные такты симфонии. Он так был оглушен ими, что не расслышал предостерегающего гудка и чуть не попал под троллейбус. Да, он помнит даже место. Это было рядом с Центральным телеграфом. Прекрасное весеннее утро, свежая, ясная голова, приподнятое настроение. Он пошел медленнее, прислушиваясь к самому себе. Внутри клубился хаос звуков, контуры мелодии делались то резче, то вновь расплывались.

Вернувшись с лекции домой, Бунин присел к пианино. В открытые окна несся многоголосый шум. Это был третий этаж общежития студентов Консерватории. От стены дома, стоявшего напротив, звуки отражались, как от огромного экрана. Львиный бас разучивал арию варяжского гостя. Колоратурное сопрано старательно выводило рулады. Пиликали скрипки, рычали трубы, мимо струнились нескончаемые гаммы, перегоняя друг друга. То был как бы музыкальный срез этого трудолюбивого дома. Но внешний шум уже не отвлекал Бунина от мыслей.

Симфония все громче и громче звучала в нем. Полузакрыв глаза, осяпую, бережно касаясь клавиш, продвигался композитор такт за тактом в неизвестность. Пришли соседи по комнате, увидели Володю за клавиатурой, занялись молча своими делами: сейчас рано было расспрашивать...

Он поделился своими мыслями с товарищами по комсомолу на открытом комсомольском собрании, когда были готовы первые две части симфонии. Коротко он рассказал свою жизнь. Это было как бы прологом к симфонии, немного суховатым, сбивчивым,—Бунин был куда красноречивее в музыке. Когда он сел на место, пианист тронул клавиши,—и перед собранием предстала только что описанная жизнь, но уже в звуках, могучих и простых!..

...Да, тогда симфонию встретили очень хорошо, много аплодировали, но, может быть, они просто не хотели расстраивать товарища обидным невниманием? Как отнесутся сегодня к его симфонии суровые экзаминаторы? Сумеют ли понятно рассказать о его жизни скрипки, волторны и виолончели? Бунин старался не глядеть по сторонам, чтобы не выдавать своего волнения. Наступил самый страшный миг его жизни. Дирижер, прямой, празднично шеголеватый, взошел на возвышение и поднял палочку. По залу разлилась тишина.

Первые такты симфонии ми-минор проносятся под сводами, как дуновение ветра. Утро. Утро жизни. Свежесть. Звуки прозрачны и чисты. Мир—такой, каким он отражен в душе ребенка, в светлом-светлом, зеркально спокойном озере.

Но вдруг по озеру проходит рябь. Надви-

нулись тучи. Все помертвело вокруг. Длинные холодные тени легли на залитые солнцем луга. Волторны! Мрачное рокотанье барабанов! Как трудно дался ему в свое время этот переход! Он ходил совсем больным от чувств и мыслей, которые не могли найти выхода, потому что он не умел облечь их в нужную форму.

А потом, после многих бессонных ночей, перечеркнув несколько десятков нотных листов, он нашел то, что искал, и с легким сердцем двинулся дальше.

Бунин искоса осматривает зал. Слушают хорошо. Один из профессоров записывает что-то в блокнот. Студентка склонилась на руку, прикрыла ладошкой глаза. Неужели слезы? Его симфония доходит, волнуется, заставляет плакать?! С неожиданным приливом симпатии он взглядывает на первую скрипку, только что-то прекрасно проведшую свою партию. «Чудесные они все-таки люди, эти тузюканы! — шепчет он в экстазе. — Хорошо, дирижер! Здесь немного быстрее темп, пожалуйста! Гобой не отстают, нет? Прекрасно!»

Раздается знакомая мелодия. Сначала только силуэт ее, первый намек. Потом мотив становится яснее, подземный родник выбился на поверхность, течет, позванивая по камням. «Эх, позабыт, позаброшен...» Мрачный аккорд обрывает фразу на середине.

Это песенка беспризорного, печальная, хватающая за душу. Сколько раз доводилось мальчику в рваной кацавейке хриплым голосом петь ее в теплушках и на вокзалах, коротать с нею долгие ночи на тендерах или под скирдой сена! И как мастерски гармонизирована она сейчас!

«...я осталась сиротою, счастья-доли мне нет!» И басы угрюмо поддакивают: правильно, нет тебе счастья-доли, нет! И далекое эхо с грубой издевкой, с гримасами и кривляньем передразнивает мотив. Ого, счастья захотел, еще чего?

Но уже вновь, откуда-то из глубины, поднимается жизнерадостный лейтмотив начала. Он стал сильнее, размах его крыльев теперь широк. Ну-ка, поборемся!

Бунин слушает себя. В памяти мелькают лица. Всплыло и исчезло, как пузырь над водой, одутловатое лицо кондуктора. Задержались какие-то хихикающие злые рожки. Возникли добрые, спокойные лица старых его друзей — красноармейцев. Потом закивали ободряющие лица учителей и заискали улыбки товарищей.

Смелые, триумфальные акорды, шаги марширующих колонн! Масса идет! Громят тяжелые, уверенные шаги. Ничто не страшно коллективу. Безнадежной песенки уже нет: она растаяла, растворилась в солнце...

Да, мысль ясна. Человек, сшибленный с ног, встал, поддерживаемый товарищами, и пошел вперед. Он высоко несет голову, он свободен, силен и счастлив сейчас. Он готов обнять целый мир.

— Автор! Автор! — кричат в зале.

Бунин поднимается на эстраду. Да, человек счастлив, Володя Бунин счастлив сейчас, как никогда! Он пожимает руки дирижеру, первой скрипке, благодарит оркестр: «Нет, вы играли отлично. Спасибо! Большущее вам спасибо!»

Публика выходит в фойе. Бунин стоит подле двери, как хозяин, провожающий гостей. К нему подходят товарищи, поздравляют, благодарят за прекрасный вечер. Значит, удалось, — да? Если так, он сделает то, о чем давно уже втайне мечтал. На заглавном листе своей первой симфонии он напишет посвящение. Конечно, симфония не закончена, предстоит еще много работы, но если она достойна этого, он посвятит ее 20-летию комсомола! Коммунистический союз молодежи поднял беспризорного из пыли, поставил на ноги, помог стать композитором, — ему и первое творение композитора.

«И не забыт и не заброшен!» — вот главная мысль его симфонии. Понятна она? Тогда чудесно! И Бунин улыбается хорошей улыбкой. Какое счастье, и впрямь, выпало на его долю — в звуках могучего оркестра отблагодарить родину за все, что она сделала для него!

Композитор попрежнему еще очень бледен. В левой руке заметно дрожат цветы, подаренные ему только что товарищами по консерватории.

## РОДИНА ТАЛАНТОВ

Лето 1938 года, поездка в Брюссель на Международный конкурс пианистов и возвращение в Москву надолго останутся в моей памяти. Я видел Париж — «столицу мира», как говорят французские патриоты, видел Брюгге — «город мертвых», описанный Роденбахом, видел многие бельгийские города. Красивые города, и у каждого свое лицо, своя, неповторимая индивидуальность, а впечатление, в конце концов, однообразное. В каждом городе два мира: мир богатей и мир бедняков. И это впечатление остается в памяти ярче великолепных музеев, изумительных архитектурных памятников старины...

В Москву мы вернулись перед самыми выборами в Верховный Совет РСФСР.

В эти дни было особенно заметно, что вся страна живет одной жизнью, что весь народ стремится к одной, общей цели. И настоящую гордость за свой успех на конкурсе я испытал именно в Москве. Я как-то лучше почувствовал, что действительно справился со своим делом. И сознание, что я неодинок в своих ощущениях, что такие же чувства испытывали, вероятно, летчики, ставившие рекорды, стахановцы в Донбассе, ткачи в Вичуге, гроссмейстер Ботвинник в Англии, радовало меня еще больше.

Я не только сознаю, но и постоянно ощущаю, что успех на конкурсе — не мой личный успех, а успех всей страны.

Это смутно, еще совсем не четко начинают сознавать и на Западе. Артур Рубинштейн говорил после конкурса, что советские пианисты раскрыли, выявили все, что им дано. Многие участники конкурса спрашивали нас о жизни и условиях работы в Советском Союзе.

Несоизмеримо положение молодых дарований у нас и за рубежом. Несоизмеримы условия, атмосфера, в которых они развиваются.

Когда пианистка Джонстон, получившая вторую премию на конкурсе, вернулась в Лондон, на вокзале ее встретили только семья и близкие знакомые. Традиционный букет из роз от родных, заметка мелким шрифтом в хронике двух — трех газет — вот и весь праздник, вся слава большого, настоящего художника, с честью выдержавшего труднейшее испытание.

После окончания конкурса среди участников начался страшный ажиотаж. Все волновалось за свою карьеру, заботились о том, чтобы подписать договор получше, организовать ре-

кламу, постараться прогнать если не среди широкой публики, то хотя бы среди импресарио и т. д. Это вызывалось не личными качествами людей, а условиями работы в капиталистических странах. На меня с Флером, для которых эта сторона дела не существовала, смотрели с удивлением, не понимая того, что для нас на первом месте стояли вопросы творческие.

Мне пришлось говорить с одним пианистом. Это был очень квалифицированный и талантливый музыкант. Он работал в ресторане. Каждый вечер, в сигарном дыму, под звяканье ножей, звон бокалов, пьяное ржание посетителей, он играл вещи, пошлость и ничтожность которых внушали ему отвращение, играл для людей, равнодушных к искусству. Днем он занимался часами серьезной музыкой. Он с трудом скопил деньги для поездки в Брюссель. К конкурсу его, однако, не допустили. Он должен был возвращаться на родину к поискам работы, к разбитым надеждам. Сколько нужно душевных сил, чтобы не потерять в этих условиях веру в себя, чтобы продолжать работать! Только очень сильный характер или случайная удача могут спасти человека в этой борьбе за существование.

У нас таланты не гибнут. Их отыскивают и выращивают.

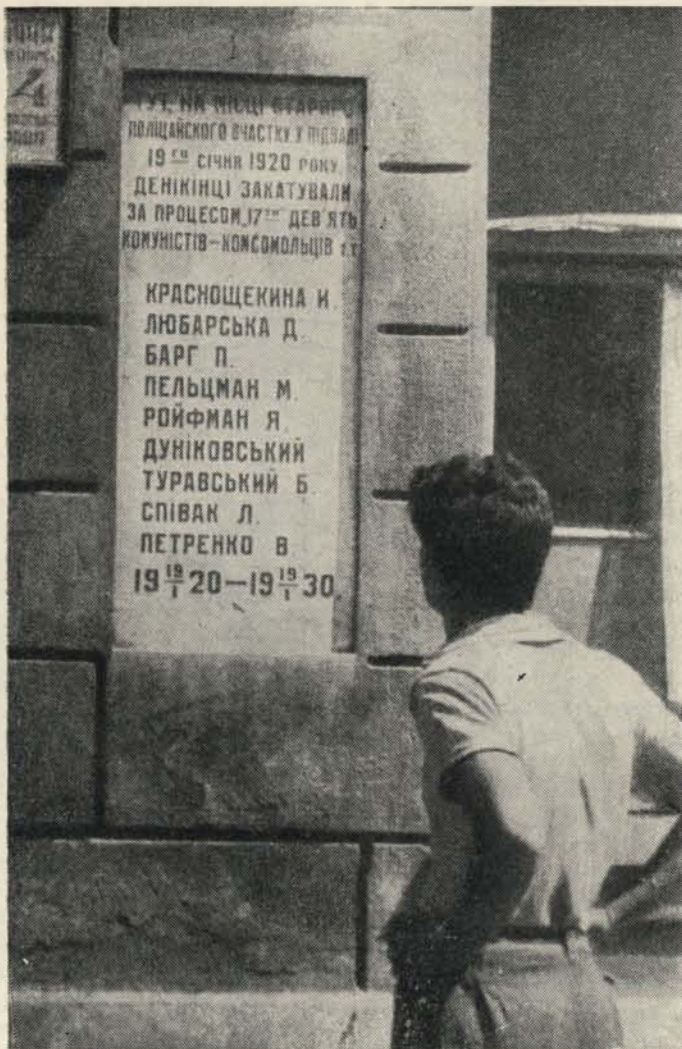
Мне 21 год, я начинаю педагогическую работу в Консерватории. На Западе это было бы не мыслимо, а между тем это даст мне очень многое. Помимо творческого удовлетворения, исполнения естественного желания человека, любящего свое дело, передавать свои достижения другим, педагогическая работа очень обогащает и самого художника. Работа со студентами дает новые толчки для мысли, невольно заставляет оглядываться на себя и критиковать самого себя.

Советская страна дала мне все условия для творческой работы. Я целиком, без всякой помехи, могу отдаваться любимому искусству, не делая никаких усилий для завоевания материальных благ. Я непрерывно чувствую заботу и внимание всей страны. И я отдаю все свои силы, чтобы оправдать любовное внимание матери-родины.

*Эмиль Гилельс*



Лауреаты международного конкурса пианистов имени Изай в Брюсселе. Справа налево: Эмиль Гилельс, Доссор, Яков Флиер и Мери Джонстон.



На стене одного из угловых домов, находящегося на стыке двух оживленных улиц Одессы, висит мемориальная доска. Высеченная на доске надпись приковывает к себе внимание прохожих.

С негодованием и волнением читают люди эту надпись, рассказывающую, что здесь, на месте старого полицейского участка, 19 января 1920 года денкиинцы замучили по процессу «17-ти» девять коммунистов-комсомольцев тт. Краснощекину, Любарскую, Барг, Пельцман, Ройфман, Дуниковско-го, Туравского, Спивак, Петренко.

Иду Краснощекину, которой не было и двадцати лет, палачи били по голому телу резиной, шомполами, душили. Ей вырвали ногти, кололи булавками тело, требуя выдачи подпольного большевистского комитета.

Стойкая девушка молчала. Она все брала на себя, просила лишь смягчить приговор своим товарищам и, выслушав приговор (повешение), насмешливо бросила в лицо денкиинским палачам:

— Только и всего? Знайте же: хотя бы вы каждый день убивали по десять человек, наши товарищи каждый день берут по станции и доберутся до вас. Мы умираем молодыми, умираем спокойными, так как за нами и за нас пойдут новые сотни стойких борцов. Ваша песенка спета...

В своем прощальном привете осужденные комсомольцы писали товарищам:

«...Желаем вам успешно продолжать наше общее дело. Умираем, но торжествуем и приветствуем победоносное шествие Красной Армии. Надеемся и верим в конечное торжество идеалов коммунизма. Да здравствует Красная Армия! Да здравствует Коммунистический Интернационал!»

Немало комсомольцев погибло от рук озверелых контрреволюционеров, пало геройской смертью на полях гражданской войны. На их место встали сотни тысяч новых сынов и дочерей нашей родины. Ряды комсомола пополняются передовой советской молодежью, беззаветно преданной партии Ленина — Сталина, готовой по первому зову страны встать на защиту священных советских рубежей, завоеванных Великой Октябрьской социалистической революции.

# ДЕВЯТЬ

«Что мне принес первый год пребывания в комсомоле» — такова тема рассказов девяти одесских юношей и девушек, вступивших в ряды ВЛКСМ год назад.

Радист Федор Мартынюк, машинистка Генриетта Райхман, пограничник Александр Макаровский и другие с гордостью сообщают о своем политическом и культурном росте, об активной общественной работе, которую они ведут, о приобретенных ими военных знаниях.

Вот эти рассказы девяти молодых патриотов социалистической родины, записанные М. Поляновским.

## Первый год

Пуэрта де Санта Мария — так называется каторжная тюрьма вблизи Кадикса. Моряки с теплохода «Комсомол», затопленного испанскими фашистами, никогда не забудут эту «святую Марию».

Весь мир знает о том, как пираты генерала Франко морили нас десять с половиной месяцев в тюрьме. Боевой дух советских патриотов не покидал нас ни на одну минуту: мы знали, что наше правительство вырвет нас из фашистского плена. Так оно и было!

Мы вернулись на нашу любимую родину, хорошо отдохнули и опять взялись за работу. Многие моряки с «Комсомола» стали плавать на новом советском теплоходе — «Сванетия». В их числе и я.

Ранней весной этого года, когда «Сванетия» возвращалась с очередного ближневосточного рейса, где-то в районе Босфора состоялось собрание комсомольского судового коллектива. На этом собрании я был принят в ряды Ленинско-Сталинского комсомола.

Мое вступление в комсомол явилось ответом фашистским псам,

в чьих грязных лапах я потерял около года жизни.

Теперь я комсомолец. Мне поручили вести учет социалистического соревнования всей палубной команды. Я участвую в работе группы «легкой кавалерии», помогаю выпускать стенную газету.

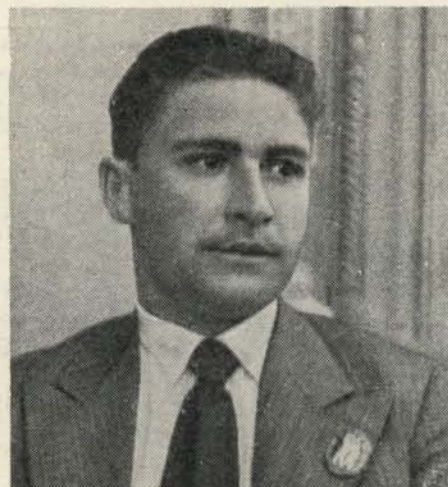
Я начал повышать свой политический уровень. Изучаю историю партии, читаю произведения Ленина и Сталина.

На «Сванетии» трое радистов. Мы сообща готовимся к сдаче техэкзаменов правительственной комиссии. Радист заграничного плавания должен быть в наши дни всесторонне образованным, бдительным и заслуживать абсолютного доверия.

Это доверие правительство выразило мне, наградив орденом «Знак почета» еще до гибели теплохода «Комсомол».

Теперь, став комсомольцем, я стремлюсь расти и работать все лучше и лучше. Два чувства живут в моей груди: ненависть к фашизму и пламенная любовь к родине, к партии, к Сталину.

Ф. Мартынюк



## Я буду пулеметщицей



В прошлом году мне исполнилось 18 лет. Эта дата была ознаменована большим событием: меня приняли в комсомол.

С тех пор прошел год. Всего один год, а между тем сколько у меня перемен!

Я работаю на заводе «Электрощур». До вступления в комсомол очень мало читала, в газетах просматривала только отдел происшествий. За этот год я основа-

тельно взялась за литературу, изучаю историю ВКП(б). Я стала активнее в общественной работе. Меня избрали редактором обще-заводской стенгазеты «Слаботочник». Депутатская группа нашего завода поручает мне расследование жалоб бытового характера. С этой работой я справляюсь довольно успешно.

Комсомольская организация нашего завода много уделяет внимания физкультурной и оборонной работе. Сама я совершенно свободно езжу по городу на мотоцикле. Машину и мотор изучила хорошо и, если понадобится, вполне смогу быть связистом или мотопулеметщицей. В самом недалеком будущем начну заниматься на курсах пулеметчиков.

Некоторые девушки нашего спортивного общества «Металлист» последовали моему примеру: стали заниматься мотоспортом.

Г. Ройхман

## Мастер подводных глубин

До того как стать мастером подводных глубин, я переменял несколько профессий. Работал в совхозе, был кочегаром на железной дороге, грузчиком в днепропетровском порту. В грузчицкой артели мне привили скверную привычку: выпивать.

У эпроновцев в работе чистота, дисциплина, слово не расходится с делом. А я принес сюда дурные навыки грузчицкой артели.

Ругали меня на собраниях, накладывали взыскания, комсомольцы часто беседовали со мной, указывали, что я позорю весь коллектив.

Стал я приглядываться к водолазам-комсомольцам. К Ивану Щербине — радисту, секретарю эпроновской комсомольской организации. К Щепотину — командиру отделения. К Никитину — прежде радисту, ныне помполиту. Они пользовались общим уважением. Мне нравилась их организованность. Я подружился с ними, бросил пить.

Равнение на лучших принесло серьезный перелом в моей работе. Вместо взысканий стал получать поощрения.

В этом году меня приняли в комсомол.



Комсомол занялся мною всерьез: указал мне место в жизни. Возьмем такой факт: я никогда не читал книг, журналов, газет. Если они попадались ко мне в руки, я быстро просматривал картинки и откладывал их в сторону. Ныне я с большой охотой читаю повести, романы (только что закончил «Хлеб» Толстого и «Как закалялась сталь» Островского), с интересом читаю политическую литературу и газеты.

Водолазы хорошо зарабатывают. У меня, конечно, тоже водятся деньги. Прежде я тратил их на водку, оставляя в ресторанах. Сейчас нашел им другое применение.

У меня появились хорошие костюмы, обувь, часы, патефон с пластинками, радиоприемник, книги.

Работаю я вместе со старыми водолазными специалистами, получаю оценку работы не худшую чем они.

Участвовал в подеме многих

судов, в том числе ледокола «Семерка», в спасении греческого парохода «Игорь» и других. Сейчас работаю на подеме затонувшего двадцать лет назад вблизи Одессы океанского транспорта «Патагония».

Л. Крищенко

## Конец «сонного» досуга

Даже неловко вспоминать теперь, как я проводила прежде свободное от работы время!

Я работаю в гильзовом цехе табачной фабрики. По натуре я девушка энергичная, но как-то так выходило — не знала, к чему эту энергию приложить. Бывало, придешь с фабрики и завалишься спать.

Занялась мною комсомольская организация. Стали давать поручения по общественной работе. Выполняла я их охотно, с интересом. «Сонный» досуг кончился.

И вот год назад я вступила в комсомол. Теперь мне уже доверяют более серьезную работу. Накануне выборов в Верховный Совет УССР я была послана агитатором на село. Там, на селе, я подготовила ко вступлению в комсомол четырех парней и двух де-



вушек — колхозников Цебриковского района.

Я чувствовала себя по-настоящему счастливой, когда комсомольский комитет табачной фабрики похвалил мою работу на селе и поручил мне руководить кружком несоюзной молодежи по изучению устава комсомола.

О. Баранова

## Мой первый доклад

У меня специальность судового машиниста первого класса. На пароходе «Красный Профинтерн» я работаю кочегаром первого класса. На этом пароходе меня приняли в комсомол.

Здесь я многое узнал, многому научился. Комсомол помог мне овладеть политическими знаниями, воспитал из меня передового работника.

Сейчас я работаю в составе комсомольской бригады машинной команды на ремонте парохода. Секретарь нашего комсомольского комитета тов. Паламарчук работает в этой же бригаде. Мы вдвоем показываем пример всем комсомольцам судна, выполняем нормы на 256%. Оба мы стахановцы.

Не так давно на теоретической конференции мною был сделан



доклад на тему о II съезде РСДРП. Готовясь к докладу и стремясь сделать его более глубоким, я пользовался исключительно первоисточниками — трудами Ленина и Сталина.

А. Винник

## Председатель собрания



Мой комсомольский стаж весьма невелик. Я вступила в комсомол весной этого года.

Раньше я никогда не выступала перед массами. Меня страшила даже мысль о публичном выступлении. Но вот недавно мне пору-

чили выступить на городской конференции физкультурного общества «Пищевик» с докладом о ходе физкультурной работы на нашей чаерезвесочной фабрике имени тов. Микояна.

Это было мое первое выступление.

Пришла я как-то на закрытое комсомольское собрание и была избрана председателем. Сначала смутилась, а потом взяла себя в руки и провела собрание неплохо.

В день выборов в Верховный Совет УССР я дежурила на избирательном участке. Теперь на меня возложена ответственность за сдачу норм ГТО физкультурниками нашей фабрики к сроку.

В. Пальме

## По примеру отца

Когда интервенты разных мастей терзали нашу родину, стремясь отхватить куски советской территории, пришли на Украину среди прочих захватчиков и румыны.

Мой отец взял винтовку и добровольно ушел защищать завоевания Октября. Его убили на румынском фронте в 1920 году. Мне было тогда всего лишь около года.

До 16 лет я учился в школе. Потом перешел в ФЗУ при обувной фабрике имени Октябрьской социалистической революции. Это было в тот год, когда в стране начало широко разворачиваться стахановское движение.

Я работал тогда на каблучной машине и, основательно продумав метод Стаханова, решил применить его на своем участке. Стал значительно перевыполнять норму. Другие ребята пригляделись и тоже подтянули свою выработку: с 900 пар обуви до 1200.

Среди моих товарищей было много комсомольцев, хороших, организованных ребят. Мне и самому захотелось стать таким же.

Комсомол принял меня в свои ряды.

Уже год я ношу звание комсомольца и стремлюсь быть достойным его.

Чтобы расширить свой кругозор, я начал заниматься в стахановской школе при нашей фабрике. Здесь я приобрел знания за десятилетку и квалификацию мастера или бригадира.



Помимо этой цели, которой я неуклонно достигаю, меня волнует еще одна, самая заветная: во что бы то ни стало хочу стать летчиком. Уже начал изучать летное дело без отрыва от производства.

Если грянет война, я, по примеру отца, пойду защищать свою социалистическую родину. Буду бомбить врага, откуда бы он ни пришел.

П. Канцлер

## Расту!

Вступление в комсомол явилось для меня большим, незаурядным событием. Оно отразилось и на моей работе и на личной жизни.

Я работаю в переплетном цехе конвертно-беловой фабрики.

Вступив в комсомол, решила обязательно стать стахановкой. Эта цель теперь достигнута.

В этом году я начала изучать классиков марксизма. Когда мне что-либо непонятно в книгах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, я прибегаю к помощи товарищей из парткома, а также старшей сестры — кандидата партии.

Много молодежи нашего цеха вступило за последние месяцы в комсомол. В этом есть крупица и моей работы. Меня избрали комсоргом переплетного цеха.

Очень хочется пополнить свое образование. Решила учиться без отрыва от производства. Получив



на фабрике отпуск, я все время готовилась к экзаменам в медицинский техникум. Мне очень хочется стать лекпомом. Если грянет война, я поеду на фронт залечивать раны бойцам.

Р. Файнгольд

## На морской границе

Родился я и вырос в деревне Ключинской, Вологодской области. От деревни нашей до железной дороги — без малого 200 километров.

Когда умер отец, мне было семь лет. Осталась семья. Учиться мне почти не пришлось. Двенадцати лет ушел в вологодские леса, стал работать на лесозаготовках.

Жил я в своей глухомани до 1935 года, т. е. до призыва в РККА. И вот из лесной глуши я попал на самую границу, в морскую погранохрану.

Началась для меня новая жизнь. Военная служба с первых же дней становится моим университетом. В погранотряде стал узнавать много нового, чего раньше не слышал у себя в деревне. Помню, сижив на собрании, слушаешь выступления и очень немногое в них понимаешь.

Пришлось начинать с азав. И в области самообразования и по сво-

ей новой специальности. Став пограничником-связистом, я изучил телеграф, телефон, электротехнику — все то, о чем еще совсем недавно не имел никакого представления.

Видя мое стремление к знаниям, надо мной взяли шефство комсомольцы. Они помогали мне. Вскоре я и сам стал членом комсомола.

Когда демобилизовался наш отделенный командир, то командование нашло возможным выдвинуть меня на этот пост.

Первый год пребывания в комсомоле не прошел для меня бесследно: бывший лесоруб стал отделенным командиром морской погранохраны.

К 20-й годовщине комсомола я обязался добиться быстрой, четкой, безаварийной работы на моем участке. Это обязательство уже выполняется.

И. Макаровский





Члены первой комсомольской бригады на московском заводе имени Лепсе  
Татьяна Цидзик (слева) и Лидия Федорова.

# Первая КОМСОМОЛЬСКАЯ

БОР. БЕГАК

В одно июльское утро 1931 года весь обмоточный цех московского электромоторного завода имени Лепсе находился в сильном волнении. Помощник бригадира первой комсомольской ударной бригады Нина Левина, собрав вокруг себя девушек, читала вслух только что полученную газету. В притихшем цехе раздавался ее звучный голос: «Президиум Центрального исполнительного комитета Союза ССР постановляет: за особо выдающиеся услуги, обеспечивающие выполнение заводом 5-летнего плана в 2½ года, наградить 1-ю комсомольскую ударную бригаду работниц обмоточного цеха завода имени Лепсе в Москве орденом Ленина...»

«Мы бросились поздравлять друг друга, — рассказывали впоследствии девушки об этом дне. — Чувство огромной радости охватило всех нас. Целый день мы принимали поздравления от товарищей; были, конечно, и завистники...»

...Это началось весной 1929 года. Как-то после работы группа девушек обмоточного цеха собралась вокруг секретаря цеховой ячейки комсомола Ольги Константиновой.

— Так вот, девчата, — сказала Ольга, — давайте работать вместе. Правда, в райкоме мне сказали, что у них нет опыта такой работы, но ничего, отберем лучших и будем работать коллективом, или, как это по-новому, бригадой.

Константинову поддержала Смирнова:

— Бояться нам нечего: работать мы умеем. Я считаю, надо скорей все это сделать.

Восемь комсомолок вошли в бригаду. Из несоюзной молодежи решено было привлечь самых лучших работниц. Но комсомолки не были уверены, пойдут ли они в бригаду.

В это время к горячо спорившей группе комсомолок подошла одна из лучших работниц цеха, Тая Корнева, и спросила:

— Верно, что группой работать хотите? Весь цех о вас уже шумит.

Нина Левина объяснила Корневой, почему комсомолки решили организовать бригаду, и стала ждать, что скажет Татьяна. Привлечь ее в свой коллектив было мечтой всех девушек.

Корнева подумала немного и попросила принять ее в бригаду. За ней потянулись и другие. В бригаду вошло 17 лучших молодых работниц цеха. С 1 апреля 1929 года бригада начала свою жизнь.

Сильно волновались девушки в первый день работы бригады.

Молчаливые и сосредоточенные, рассаживались они подвое за мотор. Они знали: за ними следит весь цех. Все быстрее и быстрее мелькают руки, дружно идет работа...

На третий или четвертый день, придя на работу, девушки обнаружили в своих ящиках груды испорченного провода. Лица у девчат вытянулись: «А если не поверят, что это не наш, а подкинутый?» Позвали мастера чтобы он осмотрел бракованный провод.

— Так ведь это не ваш провод, — сказал мастер. — У вас никогда не было такого диаметра.

Девушки с новым подъемом взялись за работу.

Через три месяца добились первых успехов: две девушки стали выпускать за один день целый мотор, а до создания бригады за это же время едва удавалось только намотать три четверти мотора. Повысился заработок бригады. И вот одна за другой стали подходить к девушкам пожилые работницы, заговаривали сначала о пустяках, а потом о работе в бригаде. Скоро в цеху организовались новые бригады: бригада пайки, потом роторная...

В первую годовщину своего существования бригада вызвала на социалистическое соревнование бригаду № 19. Девушки взялись ежемесячно выполнять программу, снизить брак, изжить прогулы и опоздания. Это был первый вызов на социалистическое соревнование в цехах завода имени Лепсе. В 19-й бригаде работали пожилые работницы, они недоверчиво отнеслись к вызову молодежи: «Да разве можно это сделать?» Однако вызов приняли.

Осенью 1930 года среди комсомолок все чаще и чаще возникали разговоры о переходе в партию. Они начали готовиться к этому большому и важному событию.

В ряды большевистской партии были приняты Левина, Федорова, Константинова и Соколова.

В I квартале 1931 года брак в бригаде снизился до 0,25%. Но брак все еще был, и это беспокоило девушек. Когда на заводе начали изучать речь товарища Сталина об овладении техникой, вся бригада почувствовала: вот чего нам не хватает — знания техники!

Работая над самой важной частью мотора, работницы почти не были знакомы с электротехникой, не знали разницу между переменным, постоянным и индуктивным токами. В техническом кружке, созданном по инициативе девушек, стало заниматься свыше 50 работниц цеха.

В это время в газетах появилось сообщение о том, что одна из бригад ленинградского завода имени Ленина перешла на хозрасчет. Заручившись поддержкой заводского комитета комсомола, бригада добилась от цеховой администрации перевода ее на хозрасчет. В первые же хозрасчетные месяцы комсомольская бригада без малейшего брака перевыполнила план на 30 моторов, сэкономив большое количество материала.

\* \* \*

С того дня, когда Левина, Якимова и Сеннина, вернувшись из Кремля, взволнованно рассказывали своим подругам о том, что говерил им Михаил Иванович Калинин, вручая орден Ленина, прошло 7 лет. Сейчас на заводе имени Лепсе осталось всего 7 девушек — организаторов орденосной бригады. Остальные раз'ехались во все концы нашей необъятной родины. Ольга Константинова уже заканчивает Институт иностранных языков. Нина Левина — слушатель Промакадемии имени товарища Сталина. По призыву Хетагуровой на Дальний Восток, в Комсомольск, уехала Мария Горбунова...

Оставшиеся на заводе девушки перешли на высококвалифицированную работу, требующую знания физики, электротехники, умения проводить математические расчеты. Работающие в опытном цехе Татьяна Соколова, Елена Рыжкова, Лидия Федорова и Анна Балабанова закончили учебу в техническом кружке на «хорошо» и «отлично» и сдали гостехэкзамен.

Работа в опытном цехе очень ответственна и под силу только опытным мастерам. В этом цехе осваиваются новые типы машин, которые потом поступают в серийное производство.

Один из членов бригады, комсомолка Караваява, окончив курсы техников-практиков и сдав гостехэкзамен, перешла на работу в заводскую лабораторию. Ее работа не менее ответственна чем работа ее подруг в опытном цехе: она испытывает электроизоляционные материалы.

В обмоточном цехе остались Мария Кузнецова и Анна Букатина, но теперь они уже выполняют ответственную работу по ремонту машин.

Разойдясь из своей бригады по разным цехам, девушки подготовили себе прекрасную смену: 26 молодых работниц, из которых 20 — стахановки, продолжают дело своих предшественниц.

К 20-летию ВЛКСМ первая комсомольская бригада взяла на себя обязательство — стать цехом стахановской, организовать лекции по технике, изучить опыт лучших стахановцев и подготовить новую группу обмоточниц для самостоятельной работы.

\* \* \*

...Ежегодно 1 апреля организаторы первой комсомольской бригады собираются, чтобы вспомнить прошлое и поделиться своими нынешними успехами. В качестве гостей девушки приглашают лучших стахановцев завода. Все бывшие члены бригады, которые в этот день находятся в Москве, непременно приходят на эти «пленумы друзей».

...Семь лет прошло с того исторического дня, когда М. И. Калинин вручил бригаде орден Ленина.

Девушки знают, что эта высокая награда обязывает их к новым достижениям, к постоянной борьбе за повышение качества своей работы.

двое молодых людей. Один из них застенчиво спросил:

— Голубева Клавдия здесь живет?

— Нет здесь никаких Голубевых! — отрезал Многопальцев и захлопнул дверь. Входя в свою комнату, он удовлетворенно хихикнул: Голубева и была та самая девушка, с которой он встретился на кухне.

«...он подходил к своей подруге и говорил ей, глядя в глаза...» — перечитал Многопальцев начало новеллы. — Гм-м... Он говорил ей: «Привет, любимая, я горжусь тобою...» — Хорошо!

Строчки на бумаге возникали с приятной быстротой:

«...я горжусь тобою!.. А она в ответ вскидывала голову неповторимым движением счастья и гордости... Где-то вдали играла музыка. Они пили эту музыку как прекрасный закат, как вечер, как все свое счастье, особенно молодое в нашей стране...»

Тут слуха Многопальцева коснулись звуки гитары. Играли все там же — в комнате студенток.

Многопальцев яростно застучал по стене кулаком.

— Па-апрошу потише! — рявкнул он. — Здесь не кабаки!..

— Чего ты так? — пожалла плечами жена. — Молодые люди собрались... Ничего такого тут нет. Не безобразничают, не буняют. И вообще ведут себя прилично...

Гитара умолкла. Многопальцев хмуро подмигнул жене: «Дескать, знаю я их!» — И старательно дописал:

«...особенно молодое в нашей стране».

К вечеру новелла была готова. А утром Многопальцев отнес ее в редакцию.

Редактор с вежливой небрежностью перелистал рукопись, крикнул и сказал:

— Ну, что ж... очень хорошо... У нас теперь новеллами заведует вновь приглашенный товарищ, так ему, значит, мы и тово...

Многопальцев заранее обернулся к двери со сладкой улыбкой, которая должна была покорить нового заведующего. Дверь, действительно, открылась, и вошла белокурая соседка Многопальцева.

Нижняя челюсть Многопальцева отвалилась, как у экскаватора. Он, как сквозь толстое стекло, едва-едва услышал слова редактора:

— Вы незнакомы, Клавдия Сергеевна? Это товарищ Многопальцев. Принес нам новеллу...

И еще Многопальцев увидел язвительную улыбку, возникшую на устах его соседки.

# Романтическая новелла



ФЕЛЬЕТОН

Литератор Ефим Многопальцев, желчный человек лет сорока с чем-нибудь, из тех ворчунов, которые обычно брюзжат:

— Какое может быть творчество в условиях коммунальной квартиры?.. Извольте! Дайте мне Ясную Поляну или там квартиру Пушкина в Ленинграде — из 8 комнат — и я вас тоже порадую романчиком, а то — я поэмою...

Сегодня литератор Многопальцев сел за письменный стол с твердым намерением — в один присест написать произведение, которое он мысленно называет «романтической новеллой». Новелла эта была заказана редакцией некоего журнала: журналу требовалось что-нибудь о молодежи в связи с юбилеем комсомола.

Ефим Многопальцев уже знал, каково будет содержание «романтической новеллы». Это должно быть описание юной любви (так Многопальцев и мыслил: «юной любви»). Описание, конечно, романтическое, приподнятое. Он молодой (или лучше написать не молодой, а юный) гуманист. Он любит читать философов, и иногда губы его беззвучно произносят целые абзацы из «Критики чистого разума». Она техник. Механик. А может быть, конструктор. Вся волевая и действенная. Любит металлические части машин нутряною, материнской любовью. Иногда по ночам шепчет: «Винтики... шестеренка... рашпиль!» — и засыпает со счастливой улыбкой.

Нуте-с, они любят друг друга и встречаются почти ежедневно. Однако с одним условием: при каждом свидании и он и она обязаны рассказать друг другу о подвиге, который он (она) совершили после их последней встречи. Да, да! Это будет очень приподнято и романтично.

Отдельно Многопальцев приготовил список подвигов, которыми он наделит своих героев. Тут и спасение утопающего, и возврат найденных денег, и поимка диверсанта... Словом, много всего.

А в дальнейшем новелла развивается так: однажды он пришел на свидание с нею, не успев совершить ни одного подвига. Грустные, гуляют они за городом. Доходят до железнодорож-

ного полотна и тут предотвращают крушение поезда. Значит, опять подвиг есть!

Проверяя в уме весь сюжет, Многопальцев секунду задерживается на мысли:

— Не чересчур ли много подвигов? Может быть, это неправдоподобно?..

Но тут же он успокаивает себя:

— Ничего! Маслом каши не испортишь.

Многопальцев придвинул к себе бумагу и, немного подумав, написал:

«Они встречались почти каждый вечер. Оба юные, дерзкие...»

За стеною раздался громкий смех. Смеялось несколько молодых голосов.

Многопальцев поморщился. Перечитал написанное:

«...оба юные, дерзкие...»

Подумал и приписал с прописной буквы:

«Смелые».

Смех за стеной повторился. Многопальцев бросил перо и хлопал себя ладонями по вискам.

— Оля, — обратился он к жене, — нельзя ли что-нибудь сделать, чтобы там не рыготали?

Он кивнул головой на стену.

— А что можно сделать? — отозвалась жена. — Там студентки живут. Молодежь. И потом сейчас день...

Многопальцев, сердито фыркнув, наклонился над столом.

«...юные, дерзкие... — перечитал он. — Смелые...»

— Юные, чорт их подери! — проворчал он, — небось накинута каждой годков по пятнадцать, так не ржали бы. Гм-м. Как же дальше?.. Может быть, так: «Нежные краски заката, не торопясь, сползали с неба, когда он подходил к своей подруге и говорил ей, глядя в глаза...»

Смех за стеною раздался снова. Многопальцев зажал уши пальцами и забыл:

— ...подходил к своей подруге и говорил... Проклятая девка! Чтоб тебя черти разодрали!..

— Это кто же так? — заинтересовалась жена.

— А? — Многопальцев отнял пальцы от ушей. — Нет, это — не подруге... Это я про нее (он кивнул головой в сторону соседок). Особенно эта заливается — блон-

динка... Тоже блондинка, подумаешь, по полтиннику за кудрю...

Помолчав и прислушавшись к своему настроению, Многопальцев ощутил полнейшее нежелание продолжать новеллу. Со скрипом отодвинув кресло от стола и вставая, он сказал:

— Пойду, заварю покрепче чаю. Совершенно не пишется...

На кухню, когда Многопальцев вытряхивал из чайника спитой чай, пришла смешливая студентка с белокурыми волосами. С ненавистью глядя в голубые ее глаза, Многопальцев заявил:

— Между прочим, у нас здесь квартира, а не конюшня. Ржать с утра до ночи не полагается.

Девушка ничего не ответила. А Многопальцев обнаружил, что пока говорил, вытряхивал из чайника на пол, а не в ведро; придется, значит, убирать. Это так его рассердило, что он опять повернулся к студентке и добавил:

— Так хихикать, как вы, можно только над похабщиной. Постыдился бы, с позволения сказать, гражданка!..

Многопальцеву сразу полегчало от этой дерзости. К тому же он подметил движение, которым девушка вскинула голову в ответ на его слова. Решил, что непременно вставит это движение в свою новеллу, и довольный пошел к себе.

В квартиру позвонили. Многопальцев, проходя переднюю, открыл дверь. В подъезде стояли



— Между прочим, у нас здесь квартира, а не конюшня, — сказал Многопальцев.

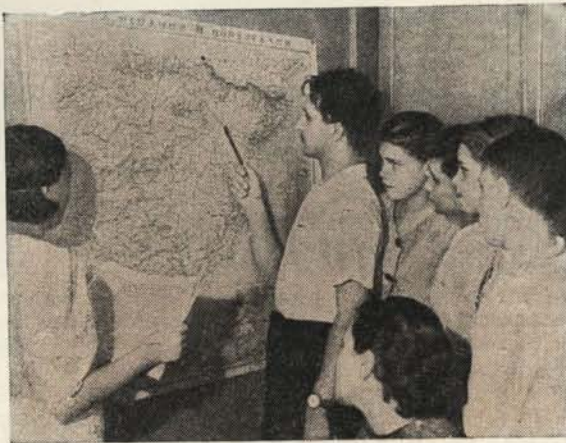
# У карты военных действий



Деятельными годами отделены друг от друга события, отраженные на этих двух снимках.

На первом — комсомолец, немногим старше окруживших его юношей и девушек, но возмужавший и загорелый, носящий военную форму, объясняет по карте положение на петроградском фронте. Несколько дней назад он сражался с войсками Юденича. Слушатели сгрудились вокруг комсомольца-бойца и ловят каждое его слово:

для них Юденич — не отвлеченный противник, находящийся где-то «на театре военных действий», он близко, рядом, это лютый враг, угрожающий их родному городу — революционному Петрограду. В заднем ряду высокий, очень молодой парень внимательно смотрит на своего стоящего у карты товарища. Он страстно мечтает быть на его месте. Сколько таких парнишек пыталось попасть на фронт, прибавляя себе годы!



Молодежь, столпившаяся у карты Испании, по внешнему виду не похожа на тех, кого мы видим у карты петроградского фронта. Здесь не видно худых, истощенных лиц и обтрепанных костюмов, характерных для периода голода и разрухи. Перед нами здоровая, жизнерадостная молодежь страны социализма. Комсомольцы 2-го московского часового завода с таким же напряженным вниманием следят за ходом военных действий в Испании в 1938 году, как петроградские комсомольцы за ходом борьбы против Юденича в 1919 году. Они хорошо знают, что фашистские интервенты, пытающиеся поставить на колени народ Испании, смертельно ненавидят свободный советский народ и ждут только удобного случая, чтобы напасть на Советский Союз. Красноармейцы, бывшие в годы гражданской войны белогвардейцев и интервентов, мечтали «землю в Гренаде крестьянам отдать». Бойцы могучей Красной Армии готовы в любую минуту дать сокрушительный отпор нападению фашистских агрессоров — врагов не только советского народа, но и трудящихся всего мира.



6 сентября, в XXIV международный юношеский день, улицы городов и сел Советской страны заполнились праздничными колоннами молодежи. В песнях, плакатах, лозунгах демонстранты выражали свою готовность защищать родину, свою братскую солидарность с героической молодежью республиканской Испании и Китая.

На снимке: колонна Ленинского района Москвы направляется на Красную площадь.

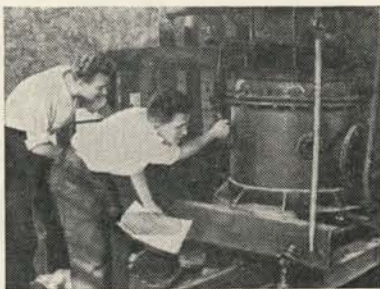
## Высокоскоростной газогенератор

Группа молодых научных сотрудников Энергетического института имени Г. М. Кржижановского Академии наук СССР готовит под руководством молодого ученого З. Ф. Чуханова замечательный подарок матери-родине к 20-летию комсомола. В прошлом году тов. Чуханов разработал проект опытного высокоскоростного газогенератора (аппарата для добытия горючего газа из угля).

На экспериментальной установке сейчас работает комсомолец, младший научный сотрудник В. Е. Войкин. Монтаж установки заканчивается.

Горючий газ — дешевое топливо, которое находит себе широ-

чайшее применение в производстве и домашнем быту.



На снимке: молодые ученые гг. Чуханов (справа) и Войкин в лаборатории заканчивают монтаж газогенератора.

## ГЕРОИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ

Фотоочерк И. Тютюкова



В этом доме № 5 по Коломенской улице начала работать в июне-июле 1917 года межрайонная инициативная группа по организации Социалистического союза молодежи.

Биография Ленинско-Сталинского комсомола начинается в городе, который советский народ по праву называет колыбелью пролетарской революции. В рабочих районах Петрограда рождались первые организации молодых пролетариев. В 1917 году в Московском районе был создан клуб рабочей молодежи «III Интернационал», в Нарвско-Петергофском районе — «Культурно-просветительный клуб рабочей молодежи». Организации молодых рабочих росли под руководством большевистской партии.

Летом 1917 года заседал VI съезд РСДРП (большевиков) —

съезд боевой подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. На этом съезде, проходившем под руководством товарища Сталина, специально обсуждался вопрос об организациях молодежи. В резолюции съезда «О союзах молодежи» говорится: «В настоящее время, когда борьба рабочего класса переходит в фазу непосредственной



В Саду пионеров и школьников стоит памятник Васе Алексееву, молодому рабочему Путиловского завода, одному из основателей пионерского комсомола.





Инженерный замок—одно из стариннейших зданий Ленинграда. Здесь в 1918 году формировался первый комсомольский отряд, участвовавший в боях с немецкими интервентами.

борьбы за социализм, съезд считает содействие созданию классовых социалистических организаций рабочей молодежи одной из неотложных задач момента и вменяет партийным организациям в обязанность уделить работе этой возможный максимум внимания».

Решения VI съезда большевистской партии помогли юношеским организациям быстро расти и раз-

виваться. Петроградские молодые рабочие под руководством большевиков очистили свои организации от агентов буржуазии. В июне 1917 года «Культурно-просветительный клуб рабочей молодежи» уже назывался Социалистическим союзом рабочей молодежи. Тогда же возникла межрайонная инициативная группа по организации Социалистического союза рабочей молодежи Петрограда. Эта инициативная группа помещалась в клубе «III Интернационал» Коломенского района.

Одним из основателей питерского комсомола был молодой рабочий, токарь Путиловского завода, большевик Вася Алексеев. Он был заместителем председателя, а затем председателем петроградского комитета Социалистического союза рабочей молодежи. Прекрасный организатор, чутко улавливавший настроения рабочей молодежи, он обладал хорошей марксистской подготовкой. В 1912 году пятнадцатилетним подростком Вася Алексеев вступил в РСДРП (большевики). После Октябрьской революции Алексеев был назначен народным судьей и народным комиссаром юстиции Петергофского районного совета рабочих, крестьянских и солдат-



Герасим Фейгин.



В доме № 21, по Красной улице, в 1919 году помещался Петроградский комитет РКСМ. Сюда была адресована телеграмма о том, что на льду Финского залива при ликвидации кронштадтского мятежа убит мужественный комсомолец Герасим Фейгин.

На фотографиях: дом, где помещался Петроградский комитет РКСМ, и текст телеграммы о гибели Фейгина.

ских депутатов (в то время народные комиссары были даже в районах Петрограда).

В дни наступления Юденича на Петроград Алексеев находился на путиловском бронепоезде и сражался под Гатчиной. После разгрома Юденича ему было поручено организовать советскую власть в Гатчинском районе. Он скончался, будучи председателем Гатчинского районного революционного комитета. Пролетарии Нарвской заставы с почестями похоронили его на Красненьком кладбище, за Кировским заводом. Его именем названа деревня Алексеевка, что у Кировского завода.

В пасмурную февральскую ночь 1918 года загудели протяжно и тревожно гудки фабрик и заводов Петрограда. Они оповещали, что революция в опасности, что немцы перешли линию фронта и наступают на Петроград. В эту ночь молодые рабочие спешили в районные комитеты, чтобы взять винтовку и отправиться на фронт. Весь комсомольский актив во главе со своими руководителями ушел на борьбу с немцами, и Социалистический союз рабочей молодежи временно прекратил свое существование.

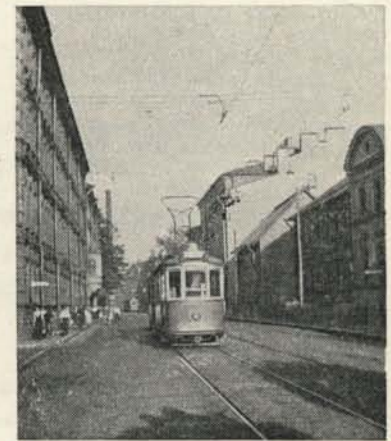
Из актива Петроградского комитета был создан отряд, который до отправки на фронт находился в помещении Инженерного замка.

В 1919—1921 годах Петроградский комитет Российского коммунистического союза молодежи помещался в доме № 21 по

Лучшая улица Выборгского района названа именем Ленинского комсомола.

Красной улице. Отсюда отправлялись комсомольцы на все фронты гражданской войны, сюда приходили письма и телеграммы о том, что тот или иной комсомолец погиб героической смертью, защищая советскую власть. Одна из этих телеграмм перед нами: «Фейгин Герасим убит при ликвидации кронштадтского мятежа». Сухой телеграфный текст и фото, изображающее юношу с серьезным, немного грустным лицом, в кожаной куртке с командирскими значками на рукаве и кожаной фуражке со звездой, сохранили для нас имя и облик героя-комсомольца Фейгина.

Страна увековечила имена погибших героев в памятниках, в названиях улиц и предприятий. В Ленинграде одна из набережных названа именем славного комсомольца Коли Фокина, всю свою короткую жизнь отдавшего делу революции. Улицей Комсомола названа главная улица Выборгского района.



## Велотур

24 дня продолжался второй советский велотур. 20 дней на 20 этапах около 100 гонщиков оспаривали победу в соревновании, посвященном 20-летию Ленинско-Сталинского комсомола.

Гонщикам предстояло пройти по маршруту Москва — Киев — Минск — Ленинград — Москва 3100 километров. Не везде дорога представляла собой гудрон, укатанную щебенку или клинкер. От Орла до Киева велосипедистам пришлось соревноваться в сугубо трудных условиях — преодолевать десятки километров песков, непроезжей дороги, где застревали даже автомобили. Здесь — на кроссах — прекрасным велосипедистом показал себя динамовец Ф. Тарачков. На одном из этапов он получил ушибы, но, проявив необычайное мужество, достойное советского патриота, все же продолжал гонку, заняв в ней общее, третье место.

В середине тура красную майку лидера гонки завоевал одноклубник Тарачкова Ник. Денисов. Денисов — опытный гонщик, он умело провел борьбу до конца с такими сильными противниками, как спартаковец В. Букреев, Ф. Тарачков, Б. Большаков и другие, и выиграл тур.

Население городов и колхозов с горячим вниманием встречало гонщиков.

Гонщики сумели отблагодарить свою родину, свой народ. Они прошли второй тур со среднечасовой скоростью 28,6 кило-



Победитель советского велотура Денисов, выиграв один из этапов гонки, надевает красную майку лидера.

метра (тур 1937 года — 26,6 километра). В гонке на одном из этапов была показана рекордная среднечасовая скорость для русского велоспорта — 36,9 километра.  
Вл. Зверев



# ШАХМАТЫ

## Гроссмейстер-орденоносец

В 1936 году весь шахматный мир с нетерпением ожидал известий из английского города Ноттингема. Здесь происходил международный шахматный турнир.

Победителем этого турнира вышел представитель Советского Союза комсомолец Михаил Ботвинник. Он разделил с бывшим чемпионом мира Капабланкой 1-е и 2-е места. Сзади остались чемпион мира, два эксчемпиона и ряд выдающихся гроссмейстеров.

М. М. Ботвинник в письме к товарищу Сталину писал о своей победе:

«Это могло произойти лишь потому, что я чувствовал за собой поддержку всей моей страны, заботу нашего правительства и нашей партии и прежде всего ту повседневную заботу, которую проявляли и проявляете Вы, наш

великий руководитель и вождь, чтобы поднять на неслыханную высоту нашу великую родину и выпестовать из нас, представителей советской молодежи, здоровую радостную смену во всех областях нашего социалистического строительства».

Советское правительство наградило Ботвинника орденом «Знак почета».

Первый советский гроссмейстер умело сочетает выдающиеся шахматные успехи с научной работой в области электротехники. Недавно он защитил диссертацию на звание кандидата технических наук.

Напомним нашим читателям одну из ноттингемских партий Ботвинника. В пятом туре он играл черными против Алехина — нынешнего чемпиона мира. И вот как развернулась эта партия:

### Сицилианское начало

Алехин

1. e2—e4

2. Kg1—f3

Ботвинник

c7—c5

d7—d6

Этот ход оставляет за черными право выбора между различными системами: и шевенингенской, и паульсенской, и вариантом дра-

кона. Однако основное преимущество такого выбора ходов — в ожидании с развитием ферзевого коня, который в зависимости от обстоятельств может быть развит или на c6 или на d7.

3. d2—d4 c5 : d4

4. Kf3 : d4 Kg8—f6

5. Kb1—c3 g7—g6

Итак, играется вариант дракона, который Ботвинник неоднократно применял и в III московском международном турнире.

6. Cf1—e2 Cf8—g7

7. Cc1—e3 Kb8—c6

8. Kd4—b3 Cc8—e6

9. f2—f4 . . .

Так же играли Кан и Левенфиш против Ботвинника. Вероятно, Алехин был знаком с этими партиями и заготовил сюрприз.

9. . . . 0—0

10. g2—g4 d6—d5!

На фланговую атаку противника черные отвечают контрударом в центре. Ботвиннику и в настоящей партии удастся доказать преждевременность пешечного штурма белых.

11. f4—f5 . . .

Здесь Левенфиш ответил 11. e5, на что последовало d4! 12. K : d4 K : d4 13. C : d4 K : g4! и атака белых была ликвидирована.

11. . . . Ce6—c8

12. e4 : d5 Kc6—b4

13. d5—d6! . . .

Вот сюрприз, который приготовил Алехин. Ничего не давало 13. Cf3 g : f 14. g5 Ke4! с преимуществом у черных, а на 13. f : g h : g 14. Cf3 могло последовать e6 15. d : e C : e6 16. C : b7 K : g4! 17. C : a8 Ф : a8 и т. д.

13. . . . Фd8 : d6!

Только так. Плохо было 13. e : d 14. a3! и затем g5.

14. Ce3—c5 . . .

На это белые возлагали свои надежды, считая вынужденным 14. Ф : d1+15. Л : d1 Kc6, после чего, играя 16. 0—0, белые получили сильную позицию. Но Алехина ждет разочарование...

14. . . . Фd6—f4!!

Прекрасный ход! Ботвинник проводит эффектную комбинацию, которая ликвидирует всякую опасность и снова приносит торжество сицилианской защите.

15. Лh1—f1 Фf4 : h2

16. Cc5 : b4 Kf6 : g4!

Гвоздь комбинации! Если белые не принимают этой второй жертвы и играют 17. Cc5, то после Фg3+ 18. Cf2 C : c3+ 19. b : c Ф : c3 20. Фd2 Ф : d2+ и затем K : f2 и C : f5 черные имеют четыре пешки за фигуру, что более чем достаточно.

17. Ce2 : g4 Фh2—g3+

18. Лf1—f2 Фg3—g1+

19. Лf2—f1

Ничья.

\* \* \*

Когда окончилась эта партия, в которой советский гроссмейстер провел блестящую комбинацию, Алехин не скрывал, что он искренно рад ничейному исходу. «Алехин гулял гордый, если это можно назвать гордостью, словно он жертвовал фигуры, словно он выиграл, отдав по меньшей мере ферзя. Лучший комплимент чемпиону СССР!» — заключил описание этой партии гроссмейстер С. Тартаковер.

В этом кроссворде слова надо читать по следующим направлениям: 1) от центра к окружности, 2) параллельно окружности против часовой стрелки.

### I. ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ ОТ ЦЕНТРА

2. Поездка, движущаяся по рельсам.
3. Болезнь.
4. Книга.
5. Местоимение.
7. Оскорбление.
8. Массовое предельное увлечение.
9. Стенной подсвечник.
10. Предлог.
11. Десятиногий рак.
12. Прибор для измерения глубины.
13. Страна света.
15. Название оперы.
16. Немецкая буква.
17. Отложение на дне водоема.
19. Дорожка для пешеходов.
20. Подъемный механизм.
21. Морской рак.
22. Болотный газ.
23. Пушной зверь.
24. Английский физик.
25. Судорожные движения голосовых связок.
26. Вулканическая порода.
27. Женское имя.
28. Географическая область.
29. Орудие для ловли животных.
30. Столкновение.
31. Паальный состав.
32. Крепостной в древнем Риме.
33. Сорт груш.
34. Человек, выступающий с речью.
35. Кавалерийское оружие.
36. Архитектурный термин.
37. Город в Турции.
38. Рог марала.
39. Похититель чужого имущества.
40. Воинственный крик.
41. Преследование дичи.
42. Настил.

43. Река.
44. Русский поэт.
45. Английская мера сыпучих тел.
46. Приток Днепра.

### II. ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ ПРОТИВ ЧАСОВОЙ СТРЕЛКИ

1. Обновитель.
6. Духовой инструмент.
11. Посох.
14. Бог в древне-египетской мифологии.
15. Объявление.
18. Часть судна.
19. Молочный продукт.
22. Мера электрического сопротивления.
24. Отделение.
27. Древнеегипетская богиня.
29. Запах.
30. Птенец.
32. Попугай.
33. Растительность на щеках и подбородке.
35. Руководитель стройки.
36. Часть древнегреческого храма.
37. Домашнее животное.
38. Постельная принадлежность.
39. Мужское имя.
40. Фрукт.
41. Квартал в Стамбуле.
42. Река в Южной Америке.
43. Поражение в боксе.
44. Мера длины.
45. Разновидность.
46. Музыкальное произведение.
47. Столица европейского государства.
48. Географический термин.
49. Оптический прибор.
50. Металлический стержень.

### РЕШЕНИЕ КРОССВОРДА, ПОМЕЩЕННОГО В № 9 «СМЕНЫ»

#### СЛОВА ПО ГОРИЗОНТАЛЯМ.

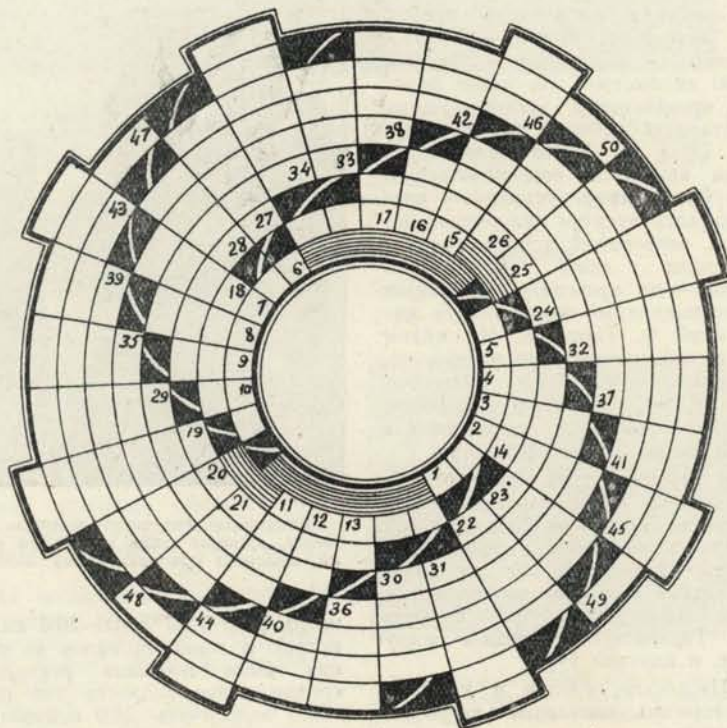
1. Синоп.
3. Рог.
5. Бекас.
7. Катаlepsия.
8. Декламация.
10. Портплед.
13. Карнавал.
16. Шпага.
17. Портвар.
19. Ирма.
21. Кон.
22. Брод.
24. Ля.
25. Но.
26. Вотва.
27. Анапа.
28. Сапега.
31. Кармин.
34. Фец.
35. Нет.
36. Иск.
38. Абитуриент.
41. Инкаутация.
44. Дувр.
45. Коза.
46. Запас.
47. Арка.
48. Ритм.
49. Нора.
51. Руан.
53. Рогач.
54. Меню.
56. Блин.
57. Контроль.
59. Кастаньята.
61. Дно.
62. Тор.
63. Рак.
64. Арбитр.
66. Бритва.
68. Лафит.
69. Театр.
75. Агат.
76. Чин.
77. Ашуг.
78. Онега.
79. Сориа.
80. Накладка.
83. Контракт.
86. Тракторист.
88. Тракторщик.
89. Нарва.
90. Рим.
91. Салат.

#### СЛОВА ПО ВЕРТИКАЛЯМ

1. Стадо.
2. Посол.
3. Рея.
4. Год.
5. Бекар.
6. Скала.
7. Каракачица.
9. Яровизация.
10. Парнас.
11. Тюря.
12. Декант.
13. Конфетти.
14. Афон.
15. Лоцман.
16. Штыб.
18. Роза.
19. Ил.
20. Арфа.
22. Банк.
23. До.
29. Артек.
30. Глина.
32. Атака.
33. Итака.
34. Фердинанд.
37. Карманник.
39. Вар.
40. Назарет.
42. Насечка.
43. Ипр.
50. Або.
51. Ритор.
52. Налет.
54. Мотор.
55. Юрьев.
56. Бот.
57. Конфедерат.
58. Огорочка.
59. Крупеник.
60. Арматуристик.
64. Атаман.
65. Рост.
66. Веда.
67. Атенст.
68. Лото.
70. Рота.
71. Гл.
72. Угол.
73. Буер.
74. Юг.
81. Аркан.
82. Длина.
84. Ньюанс.
85. Карат.
87. Тир.
88. Том.

# КРОССВОРД

Составил Олег Гурьев (Ленинград).



# К XX-летию ЛЕНИНСКО-СТАЛИНСКОГО КОМСОМОЛА

*ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ и В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ  
ПОСТУПАЮТ В ПРОДАЖУ КНИГИ:*

**ЛЕНИН, В. И., и СТАЛИН, И. В. О молодежи.** Сборник. В перепл. 3 р. 25 к.

**ВКП(б) О КОМСОМОЛЕ И МОЛОДЕЖИ.** Сборник решений и постановлений ВКП(б) о комсомоле и молодежи. В перепл. 4 руб.

**ВЛКСМ — ПЕРЕДОВОЙ ОТРЯД КИМ.**

**ЧТО ДАЛА СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ МОЛОДЕЖИ.** Сборник.

**СТАЛИНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ.** Сборник.

**НАВСТРЕЧУ 20-ЛЕТИЮ ЛЕНИНСКО-СТАЛИНСКОГО КОМСОМОЛА.** Сборник. 1938. 62 стр. 60 коп.

Сборник материалов, опубликованных в газетах «Правда», «Комсомольская правда» и местных комсомольских газетах, о подарках к 20-летию ВЛКСМ.

**НАШИ ПОДАРКИ РОДИНЕ.** Подарки молодых патриотов автозавода имени Сталина социалистической родине в

честь 20-летия Ленинско-Сталинского комсомола. 1938. 45 стр. 25 коп.

**ДЕСЯТЫЙ С'ЕЗД ВЛКСМ 11—21 АПРЕЛЯ 1936 ГОДА.** Сборник материалов с'езда. 1938. 192 стр. + 2 портрета. В перепл. 3 р. 25 к.

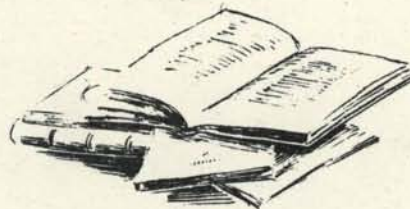
**ДИМЕНТМАН, А.** Комсомол — верный помощник и резерв коммунистической партии. 1938 [Серия «XX лет комсомола»]. 62 стр. 65 коп.

**ТЕТЕРИН, М.** Два ордена. За что комсомол награжден орденами Боевого и Трудового красного знамени. 1938 [Серия «XX лет комсомола»]. 48 стр. 50 коп.

**ОСТРЯКОВ, С.** 20 лет Ленинско-Сталинского комсомола. Историческая справка.

**КРУШИНСКИЙ.** Девушки СССР.

**БОЧИН, Л.** Юные пионеры СССР.





## ПЕСНЯ БУДУЩИХ БОЕВ

Текст П. Панченко

Музыка Е. Жарковского

Горнист протрубил на рассвете:  
«В поход, комсомольский отряд!»  
Великого Сталина дети  
За счастье свое постоят!

В работе стояли мы рядом,  
Склонялась над нами страна.  
Цвети, наша родина, садом!  
У нас ты, как сердце, одна.

Настала страда боевая,  
Свистит над Амуром свинец.  
На Дальний Восток уезжая,  
С подругой прощался боец.

Припев

Он бил самураев проклятых,  
Он пел, задыхаясь в дыму,  
И, в дело пуская гранаты,  
Друзья подпевали ему:

Припев

Однажды в разгаре атаки  
Бсец-комсомолец упал,  
Но слышал он песню во мраке  
И раненый только шептал:

Припев

Томился боец в лазарете,  
Что не был так долго в бою;  
И новых бойцов он заметил  
И с ними подругу свою.

Припев

И снова, винтовку сжимая,  
Рванулся в атаку боец.  
Лети, моя песня простая,  
Звени в миллионах сердец!

Припев

ТЕМП МАРША

ГОРНИСТ ПРОТРУБИЛ НА РАССВЕТЕ: В ПОХОД КОМСОМОЛЬСКИЙ ОТРЯД! ВЕ-

ЛИКОГО СТАЛИНА ДЕТИ ЗА СЧАСТЬЕ СВОЕ ПОСТОЯТ. В РА-

БОТЕ СТОЯЛИ МЫ РЯДОМ, СКЛОНЯЛАСЬ НАД НАМИ СТРАНА. ЦВЕ-

ТИ НАША РОДИНА САДОМ, У НАС ТЫ КАК СЕРДЦЕ ОДНА! 2. НАСНА!